

Ю. Селиванов

ДОМ НА ОКРАИНЕ

Очерки и рассказы

г. Минеральные Воды
2019 г.

ББК 84(2Рос–4 Ста)

С 29

Селиванов Ю. Г.
С 29 **Дом на окраине.** Очерки и рассказы, Минеральные Воды,
2019 г., с. 100.

ISBN 978-5-9905068-2-7

Книга «Дом на окраине» состоит из двух частей. В первой части – «Уносит память в прошлые года» автор рассказывает о своем детстве, выпавшем на далекие 60-е годы прошлого века, людях той эпохи, исторических событиях, через которые вместе со всей страной прошла его семья. Вторая часть – «И дышат почва и судьба» посвящена известным писателям: А.С. Пушкину, А.П. Бибику, И. Ильфу и Е. Петрову, Р.Н. Котовской, чьи жизнь и творчество были связаны с Кавказскими Минеральными Водами.

ISBN ISBN 978-5-9905068-2-7

© Селиванов Ю.Г., 2019

Часть I

**УНОСИТ ПАМЯТЬ
В ПРОШЛЫЕ ГОДА...**

ДОМ НА ОКРАИНЕ

Мне снова приснился этот сон: дом с окном в сад, из окна падает свет на припорошенные снегом цветы в палисаднике, детские качели на раскидистой старой яблоне. Во всем заброшенность и одичалость. Пустынно и одиноко ... Кажется, что я слышу тихие голоса там, за дверью. Речь неразборчиво монотонна. Пробую войти, но не могу – дверь не открывается. Странное ощущение охватывает меня. Его нельзя объяснить. Ощущение сладостно и мучительно. Оно живет во мне еще целый день...

Электричка, трясаясь и поскрипывая, везла меня домой. В окне открывался знакомый с детства пейзаж: на фоне белых облаков синела громада Бештау в желто-оранжевой оправе лесов, чуть подальше стояли укутанные дымкой, словно далекие острова, Развалка и Железная. В воздухе пахло дымом – дачники жгли осенние листья. Закончился полевой сезон у геологов, трудный, но как всегда интересный. Сойдя с электрички, я направился в городской краеведческий музей, он располагался рядом с вокзалом в бывшем особняке братьев Гиреев. Часть собранных мною образцов древней фауны оказалась ненужной для отчета, и я, согласовав вопрос с руководством экспедиции, решил передать окаменевшие останки древних моллюсков в наш городской краеведческий музей. На пороге меня встретила энергичная блондинка средних лет. Мой кочевой вид – штурмовка, рюкзак, нелепая брезентовая кепка – ее слегка озадачил:

– Вы по какому вопросу, товарищ?

– Мне б директора, – попросил я.

– Я директор, – сухо и лаконично ответила она. – А вы, собственно, кто? Она продолжила осматривать меня, словно я был музейным экспонатом.

– Если в музей, то у нас сегодня санитарный день.

Повернувшись левым боком, я показал шеврон на рукаве моей брезентовой куртки с надписью «МИНИСТЕРСТВО ГЕОЛОГИИ СССР».

– Геолог, исследователь недр, так сказать, и к нам?! – удивилась она. – Ну что ж, проходите, – она пригласила меня пройти в коридор.

– Здесь аммониты, – сказал я, ставя рюкзак на стол, стоявший у окна, за которым, вероятно, должен был сидеть билетер. – Думаю, вам они пригодятся.

По одному, аккуратно, чтобы не повредить, я стал доставать образцы древней фауны. Директор восхищалась и по-детски радовалась появлению каждого образца на свет из моего казавшегося бездонным рюкзака.

– Ой! – эмоционально воскликнула она, прижимая руки к груди. – Ну, какая ж прелесть! Это наверняка сармат!?

– Нет, – деликатно возразил я. – Это не сармат. Это верхний мел.

– Мел? – с недоумением переспросила она.

– Ну да, мел, – подтвердил я и, видя, что меня не понимают, добавил, – меловой геологический период.

– И сколько же им лет, ну, этим,.. – она замялась, вспоминая трудное название.

– Аммонитам, – пришел я к ней на помощь.

– Да, да, аммонитам.

– Шестьдесят миллионов.

– Прекрасно! – одобрила директорша. – Эти, я не боюсь сказать, бесценные экспонаты уже завтра займут достойное место в нашем музее.

– Этого пока делать нельзя, – возразил я.

– Почему? – удивилась директорша.

– Их нужно еще определить и написать по латыни названия.

– А кто это сделает?

– Я сам и сделаю. Возьму определитель древней фауны, и через пару дней у вас будут экспонаты с подписанными табличками.

В завязавшейся беседе я обмолвился, что когда-то давно в сборе экспонатов и документов для музея принимал участие мой дедушка – участник гражданской войны. Я его называл дедушка Федя, потому что он был мужем бабушки Лизы – родной сестры моей бабушки.

– Так ваш дедушка стоял у истоков создания музея? – директорша опять умиленно прижала руки к груди. – А как его фамилия?

– Гагакин Федор,.. – я на минуту замешкался, вспоминая отчество моего героического дедушки, – Григорьевич, – наконец вспомнил я.

– Господи, да я ж его хорошо помню! Такой осанистый крупный мужчина, – вспоминала она. – Ну как же, как же. Интересный такой. Ходил во френче и сапогах офицерских, голова бритая, как у Котовского.

– Да, – подтвердил я. – Именно во френче и сапогах. Таким я его и запомнил.

– У нас в музее есть альбом с его фотографией и сабля, которую он подарил, – обрадованно сообщила мне директорша. (В музее действительно в то время хранилась прекрасная коллекция оружия. Впоследствии, когда музей переезжал на другое место, она бесследно исчезла).

Мне было приятно, что дедушку Федю, который на тот момент уже ушел из жизни, помнят и почитают.

– Дедушка Федя, – добавил я, – не просто участник гражданской войны. Он у Буденного служил, с Деникиным и Врангелем дрался. Участвовал не в одной сабельной атаке – у него два пальца на правой руке были отрублены. Он Ленина лично видел. Это сообщение несколько озадачило директоршу.

– Ну, если самого Ленина видел, – немного подумав, сказала она, – то он, несомненно, историческое лицо и имеет право на отдельную экспозицию. Если у вас в семье остались фотографии, документы – приносите. Мы должны быть хранителями нашего героического прошлого. Это наш долг.

Я пообещал порыться в домашних архивах.

– Кстати, в моей семье тоже были люди, творившие историю, – продолжила она тему. – Мой отец в тридцатые годы был председателем исполкома и принял активное участие в разрушении Покровской церкви. Он мне рассказывал, что взрывчатку лично закладывал в стены.

– Какой церкви? – не понял я.

– Ну, той, которая стояла на месте музыкальной школы, – пояснила она. – Решение о сносе приняли партийные органы, а исполнял папа. Он у меня таким был – принципиальным и решительным.

Настроение у меня, несмотря на то, что я был убежденным атеистом, испортилось. Как-то не так заканчивался наш разговор.

– А может, не нужно было ее взрывать? – спросил я. – Все-таки как-никак старинная архитектура. Пусть бы стояла.

– Все равно туда уже никто не ходил, – махнула моя собеседница рукой. – Народ понял – Бога нет. Она рассмеялась.

– Место комсомольцы потом расчистили и летний кинотеатр построили. Религия – это ведь опиум для народа, а кино – главное из искусств, это Ленин сказал на заре советской власти. Папа очень ценил Ленина и жил согласно его заветам.

В семейных бумагах я не нашел никаких документов, касавшихся биографии бабушки Феди, но зато натолкнулся на старенькую метрику моего родного деда с дореволюционными «ятями». В ней было написано: «Катаев Владимир Савельевич родился в 1909 году в поселке Илларионовском в семье крестьян-переселенцев из Рязанской губернии, обряд крещения проведен настоятелем Покровской церкви Сасыкиным». «Что это за церковь такая, – подумал я, – не та ли самая, которую взорвали?» Я навел справки, и оказалось, что церковь действительно та самая. Она располагалась на улице Атаманской (сейчас ул. Пушкина). В тридцатые годы прошлого века ее разрушили по причине борьбы с религиозным дурманом, как и рассказывала директорша. После сноса храма на этом месте возвели летний кинотеатр «Комсомолец» и памятник И.В. Сталину, которые позже тоже снесли, а в начале 60-х годов построили здесь музыкальную школу. В 2000-е годы на месте церковного сада возведут новый храм. Круг замкнется.

Время переезда моих предков на Кавказ, 1907–1908 годы, совпало с началом Столыпинской аграрной реформы. Более точную дату назвать сейчас трудно по причине отсутствия документов. Из рассказов матери я знал, что мой прадед Савелий Катаев был простым рабочим. Это он построил дом на городской окраине, который я хорошо помню – добротный, теплый, толстостенный. Улица, на которой он стоял, называлась Ломовая. Наверное, название свое улица получила от вида извоза – ломового, так называли в начале 20-го века перевозку тяжелых грузов гужевым транспортом. В этом доме родился мой дед, его братья и сестры, моя мать, дядьки, тетка, здесь прошло и мое детство. Позднее, когда мы с отцом и матерью переехали жить на соседнюю улицу, я ежедневно приходил сюда, в старый дом, не желая ничего менять в своей жизни. Когда пришла пора мне уходить в армию, я с повесткой в кармане пришел к деду – старому солдату. «Отсюда уйдешь, – сказал он. – Я отсюда уходил на службу, мои братья – Иван и Аким, сыновья, теперь ты...» Он усадил меня на стул, взял ручную машинку и подстриг под ноль. «Теперь ты солдат», – сказал он и тихонько похлопал своей шершавой ладонью по моей лысой голове...

На моих глазах старый дом ломали. Большой беды тогда я в этом не увидел. Чувство утраты чего-то своего, родного пришло несколько позже, уже в зрелом возрасте, когда ушли из жизни близкие мне люди, когда-то жившие в этом доме. Я так и не

успел узнать у них что-то главное, важное для меня. Не сохранилось документов, воспоминаний, даже писем, в том числе, фронтовых. Осталось только несколько фотографий 30-х годов да дедовская метрика.

Поселок Илларионовский в начале 20-го века переживал бурный рост. Строились общественные здания, жилье, в основном, для работников недавно построенной железной дороги Ростов–Владикавказ. Переселенцам выдавались беспроцентные кредиты на строительство жилья и обзаведение домашним хозяйством (закупка скота, сельхозинвентаря, семенного зерна и т.п.). Моим прадедом Савелием Антиповичем на земельном участке на северо-западной окраине поселка был построен дом. Дом был угловым, с каменным фундаментом, высокой двускатной черепичной крышей, с толстыми мазанными глиной стенами. В семье было пятеро детей: трое сыновей и две дочери. Сыновья Аким Савельевич и Иван Савельевич ушли на фронт и погибли смертью храбрых. Третьего сына – моего деда – на фронт не взяли из-за язвы желудка. Младшая из сестер еще до войны уехала учиться и, как это часто бывает, не вернулась – вышла замуж за военного. Вот и остались жить с постаревшими родителями мой дед и его младшая сестра – бабушка Маня. Когда дед вернулся из армии, он женился, отделился от родителей и построил свой дом, было это в начале тридцатых годов. Теперь на участке стояло уже два дома: один дедов, где жили мы, другой – старый родительский, где жила бабушка Маня с дочкой. Из окон одного дома были видны окна другого. Между домами рос яблоневый сад.

Так получилось, что у меня был один дедушка и две бабушки. Казачья кровь бабушки Любы (она родилась в селе Александровском) давала себя знать во всем – она была первой во всех уличных делах (собрания, посиделки, праздники) и дома на месте не сидела – всегда что-то жарила, варила, тушила на керогазе. Первые блюда у нее выходили всегда аппетитными: густой борщ с мясом, лапша из курицы или утки, требуха, гороховый суп с копченостями, соус с мясом, картошкой и овощами, рассольник, суп грибной, суп с фрикадельками, уха. На столе всегда лежали лук с чесноком, а на стене прямо над кухонным столом висела гирлянда сушеного стручкового перца. Первое без перца мужчины не ели. На ужин частенько жарили картошку на большой сковородке или делали пюре с подливой из помидоров или кислого томата. В пюре иногда добавлялись

шкварки – выжарки из свиного сала. Свиное сало собственного посола с чесночком и перцем было не редким гостем на столе. Ели и смалец, намазывая его на хлеб, корочку с другой стороны натирали чесноком. Иногда посыпали смалец черным перцем для вкуса. После ужина любили почаевничать, обсудить события дня. Заваривали шиповник, чабрец, душицу. В калмыцкий чай для калорийности бабушка добавляла сливочного масла, оно плавало в чашке в виде желтого пятна, – выпьешь такого чая пару чашек с хлебом и сыт. К ноябрьским варился холодец в огромной алюминиевой кастрюле – чтобы и себя не обидеть, и на гостей хватило. В холодец обязательно клали свиные или говяжьи ножки, старого петуха или курицу-несушку, варили 4–5 часов, разливали в миски и выносили в коридор на холод. К утру холодец застывал и покрывался жирной пленкой. К столу на стол ставили хрен или горчицу.

Первый снежок обычно выпадал как раз накануне ноябрьских, бывало, что и морозец прижимал. Мне нравилось в такую пору смотреть утром из окна на припорошенные снегом желтые и бордовые дубки в палисаднике. Дубки, когда их заносили в комнату с мороза, источали нежный, едва уловимый аромат. «Странные цветы, – думал я, глядя в окно, – снег, мороз, а они цветут». 7 ноября центральные улицы города прямо с утра наполнялись праздничными колоннами, украшенными лозунгами, красными флагами, портретами руководителей страны и классиков марксизма-ленинизма, они, словно реки, стекались к площади перед вокзалом. Отсюда начиналась демонстрация. У каждого крупного предприятия был свой духовой оркестр, в ясную погоду инструменты отливали золотом на солнце. Железнодорожники и авиаторы маршировали в форме, четко, по военному отбивая такт.

Сегодня мы не на параде,
Мы к коммунизму на пути.
В коммунистической бригаде
С нами Ленин впереди! –

неслось из динамиков.

– Ура! С праздником Великого Октября, товарищи! – приветствовали с трибуны.

– Ура-а! Ура-а! – радостно подхватывали демонстранты.

Мальчишками мы частенько сбегали с демонстрации, не доходя до трибуны, за это, конечно, нам потом влетало, но очень

уж хотелось поскорее потратить родительский рубль, выданный в честь праздника. Мне везло больше других: рубль выдавала мать, рубль – дед и еще рубль – баба Маня. Мы гуляли по праздничному городу, ели мороженое, пирожные, пили лимонад, катались в парке на колесе обозрения и лодочках. Иногда ездили на электричке «зайцами» в осенний лес на станцию Бештау, жгли там костер на берегу ручья, пекли картошку. Хорошо было, намерзшись и изрядно проголодавшись, прийти домой, где за праздничным столом сидели взрослые, сесть поближе к жарко горевшей печке и послушать рассказы и воспоминания бывалых людей.

Накануне праздников бабушка Люба всегда пекла пироги. Пахли пироги на всю округу. После выпечки она обычно их ставила на сундук с большим железным амбарным замком на клепаных петлях. Здесь они, румяные, высокие, с глянцевой корочкой, накрытые тонким хлопчатобумажным полотенцем, остывали. Когда я уже не в силах был терпеть муки голода и подкрадывался к пирогам, чтобы отломить хоть маленький кусочек, меня всегда останавливал властный бабушкин голос: «Не тронь! Нельзя резать и ломать, пока он горячий, иначе осядет. Бери, унучек, пирожки и ешь, пока не остыли». Пирожки были, конечно, вкусными, слов нет, но это было не то. Хотелось именно пирога. Я садился рядом с сундуком и терпеливо ждал. Когда бабушка, потрогав пироги ладошкой, давала разрешение, я молниеносно отрезал себе огромный кусок и тут же его съедал. Не менее вкусно бабушка готовила рыбу. В доме царил культ рыбы – она в разных видах не переводилась на столе. Теперь, спустя годы, мне кажется, что я ничего не ел вкуснее бабушкиного жареного усача. Рыбу поставляли в дом мои дядья – заядлые рыбаки...

На улице почти в каждом дворе имелся мотоцикл, штука, конечно, дорогая, но без нее как без рук: ни травы кроликам и курам не привезти, ни на огород съездить, рыбалка опять же, – от свежей рыбки к столу кто откажется? Не был исключением и наш двор. У старшего дядьки был «К-750» с люлькой, а у младшего – «Ковровец». Иногда на рыбалку выезжали всей улицей. Ну, мужики, как водится, выпивали, конечно, под уху, хохмили, спорили, чудили. Чудиков на улице хватало. Дядя Петя – отец моей одноклассницы, как-то на спор съел сырое яйцо вместе со скорлупой, в другой раз – лягушку. Потом с ним бросили спорить – он вообще мог съесть все что угодно, когда

хотел выпить. Ну, до сырых яиц со скорлупой и лягушек мой старший дядька не докатился, а вот пачку сливочного масла по случаю скушал на спор. Съел как мороженое, потом выпил две больших чашки горячего чая и прокомментировал: «Это чтобы кишки не завернулись». На рыбалку он ездил чаще других, потому что работа у него была не бей лежачего (в весоремонтной мастерской). Уйти с работы он мог в любое время. «Я в магазин на поверку», – говорил дядька начальнику и, бросив в люльку несколько тяжелых гирь, уезжал ловить рыбу. Я был его постоянным спутником в этих поездках. На природе было хорошо: степь пахла – то весенним цветом, то свежескошенной травой; вылезешь ночью из палатки – на небе звезды, луна, а вдалеке на пригорке горят огни далекого полевого стана. Мне нравилось гулять по окрестностям: по пойме реки, по холмам и оврагам, собирать землянику, рвать цветы. Сидеть с удочкой и часами пялиться на поплавок я так и не научился. «Не выйдет из тебя рыбака, – досадовал дядька. – Не в нашу ты породу пошел».

Дядька был крепок – мог на вытянутой руке двадцатикилограммовую гирию держать (такими гириями он поверял весы) пустую банку из-под сгущенки рукою, как спичечный коробок, сминал в лепешку. Жил у нас на улице мужик – большой выдумщик, балагур и баламут, все звали его по отчеству – Ларионыч. Мог предложить черт знает что, например, попробовать – пробьет ли воздушка с пяти метров детский резиновый мяч или нет. Он утверждал, что не пробьет. «Твоей воздушкой только дохлых мух стрелять», – говорил он со смехом владельцу. Ударили по рукам, как тогда говорили «забились», принесли воздушку, поставили мячик в пяти метрах. Зрителей собралось человек десять, всем интересно было, пробьет пулька мячик или нет. Трах, и мячик спустил – пробила. Ребенок, чей был мячик, расплакался, а проспоровивший Ларионыч, ни капли не огорчившись проигрышу, пошел в магазин за яблочным вином, которое мужики в шутку называли «слезы Мичурина». Однажды все тот же Ларионыч принес из дому алюминиевую чашку, перевернув вверх дном, положил ее на стол, на котором играли в домино.

– Вот, – сказал он, – если ты такой здоровый, прогни кулаком, – обратился он к моему старшему дядьке. – А гири выжимать мы все мастера! Что, слабо? – он закатился ехидненным смешком.

Дядька закатил рукава на фланелевой рубашке, положил огромную жилистую кисть руки на чашку и, оттянув указательный палец, ударил. Когда «эксперты» осмотрели чашку, то обнаружили на ней четко вдавленный след от указательного пальца.

– Хорошего Геша «фуфана» приложил, – прокомментировал кто-то. – Если б по голове, то сразу – инвалид первой группы.

Младший брат матери, под чьим присмотром я находился до того момента пока не пошел в школу, далеко от старшего в своих «закидонах» не ушел. Он, хоть и вышел невелик ростом, но был крепко сшит, задирист и драчлив. К нему с предложениями погнуть что-то никто не приставал – он мог «погнуть» что-нибудь другое. Кличка у него была Кот. До армии его без малого не посадили (вернее, посадили, но только на 15 суток), в армии он угодил служить за границу и там попал в переplet, что для него было нормой. Во время пражских событий 1968 года он получил ножевое ранение. Матери из госпиталя написал, что ему ящик с патронами упал на ногу. Только попав в армию, я понял аллегорию про упавший ящик с патронами. Оказывается, это старая армейская шутка или присказка. Если на гражданке про кого-то говорят «контуженный пыльным мешком из-за угла», то в армии – «ящик с патронами на голову упал».

Весной 1968 года и моего отца, которому исполнилось на тот момент уже сорок лет, призвали на переподготовку, как тогда говорили, «партизанить». На самом деле (это мы узнали потом) мобилизованных резервистов отправляли в Чехословакию, где назревал военный конфликт. Сначала их увезли в г. Орджоникидзе, а через несколько дней прошел слух, что воинский эшелон будет следовать через станцию Минеральные Воды. Эшелон был военный, времени его прибытия никто не знал. Народу на вокзале собралось уйма – женщины, дети, старики. За несколько месяцев до этого родители развелись, но мы с матерью все равно пришли провожать отца, думая, что его забирают на войну. Всего из города забрали человек триста, говорили, что будут забирать еще. Наконец часа в два ночи кто-то объявил, что эшелон прибыл и стоит возле ледзавода. Все ринулись туда. Я хорошо запомнил эту весеннюю ночь: станционные яркие огни, шум, гам, плач, – ничего невозможно было разобрать. Из теплушек выглядывали стриженные люди в военной форме, все кричали, звали своих, плакали, обнимались. Я отца сразу не узнал, он окликнул меня первым: «Сынок, это же я». В военной форме

он был каким-то другим – строгим, подтянутым. Странно, но до этого он никогда не называл меня «сынок», все как-то больше по имени. Чтобы не расплакаться, я уткнулся головой ему в плечо. Потом были недели ожидания и возвращение. Из той ночи я вынес ощущение большой общей человеческой беды, пришедшей и в наш дом. Вот так же, наверное, провожали с этого вокзала своих сыновей на фронт мой прадед и моя прабабушка, сыновья домой не вернулись...

В начале шестидесятых дед купил телевизор, это случилось через пару лет после того, как в Пятигорске открылась краевая студия телевидения. До этого мы ходили смотреть телевизор к соседям напротив. У них висели на стенке часы с кукушкой, через каждый час кукушка выскакивала из своего домика и куковала. Мне было интересно: кто же там за нее кукует в домике. У нас тоже были часы – на циферблате кот в ритм движению маятника поворачивал глаза то налево, то направо, отсчитывая секунды. К соседям ходить было не всегда удобно, потому что они были не очень приветливыми, угрюмыми. Поговаривали, что дед Бережняк сидел после войны, вроде как по оговору – незаслуженно, может, они поэтому и жили отстраненно от других – обижались.

Однажды бабушкино терпение, видимо, лопнуло, и она поставила вопрос ребром.

– Володя, – сказала она деду, – нам тоже телевизор нужен!

Сначала дед с присущей ему зажимистостью упорствовал: «На кой черт он нам? Двести рублей – псу под хвост. Жили без него, и дальше проживем». Дед работал тогда каменщиком – трудовая копейка давалась ему тяжело. Но вскоре под напором бабушки и остальных домочадцев бастион рухнул, и дедушка, скрепя сердце, продал две пары голубей «ташкентов» – так называлась очень дорогая порода голубей, которых он держал, а на вырученную сумму был куплен телевизор «Рекорд» в деревянном лакированном корпусе с экраном, светившимся голубым светом. Народу в комнату, где стоял телевизор, по вечерам набивалось много. Программа начиналась в 19 часов, а в 21.30 заканчивалась. Канал был один – местный. Кому не доставалось стула или скамейки, сидели прямо на полу на полосатом самодельном коврикe – как правило, это были дети. Обычно просмотр начинался с того, что дед подходил к экрану и целовал телеведущую Татьяну Сафонову, очень она ему нравилась. Другую телеведущую – Римму Туманову он терпеть не мог и выхо-

дил из комнаты, когда она вела передачи. Эдиту Пьеху он называл Пьежа, – она ему тоже не нравилась. Телевизор помимо образовательной и эстетической нес в себе еще и воспитательную функцию, во всяком случае, для меня. Теперь за любую провинность меня могли лишить возможности его смотреть. Это было несправедливо, потому что я тянулся к культуре и искусству. Усилило эту тягу одно жизненное событие – мать перешла на работу в кинотеатр. Это был новый широкоформатный кинотеатр «Октябрь» на южной окраине города. Сначала мама работала в отделе культуры рядом с вокзалом, в старом маленьком домике на улице 22 Партсъезда. Домик стоял в глубине двора, и к нему нужно было проходить через арку старинного дома. В доме размещался книжный магазин «Родник», в котором помимо книг торговали марками и изобразительной продукцией. Мое внимание сразу привлекла большая картина, на которой была изображена обнаженная женщина в постели, впоследствии, повзрослев, я узнал, что картина называется «Даная». Теперь, перед тем как зайти к матери на работу, я на минутку заскакивал в магазин и любовался живописным полотном. Вскоре мать из отдела культуры уволилась и перешла работать в кинотеатр кассиром. Для меня начались прекрасные времена – теперь я мог смотреть любые фильмы по нескольку раз, в том числе и те, на которые дети до 16 лет не допускались. Но мне такие фильмы не нравились, мне нравились другие: «Три мушкетера», «Парижские тайны», «Граф Монте Кристо», «Деловые люди», «Девчата» «Зигзаг удачи.» Все мальчишки на улице завидовали мне. Часто с последнего сеанса мать меня вытаскивала буквально за уши – я не хотел уходить. Фойе кинотеатра было богато оформлено: на стенах висели картины русских художников в дорогих золоченых рамах – особенно мне нравилась картина «Корабельная роща».

Несколько лет назад произошла забавная история. Ко мне в офис пришли две уже немолодых приятной наружности женщины, они на меня посмотрели, улыбнулись, и одна из них спросила:

– А вы Юра?

– Ну да, – ответил я, – вот уже пятьдесят пять лет.

– Вот мы вас и нашли, – сказала вторая.

Я ничего не мог понять. Тогда они положили на стол старую пожелтевшую фотографию. На фото стоял я с подарком в руках

под новогодней елкой в окружении детей сотрудников Минераловодского кинопроката. У нас дома было точно такое же фото. Оно было сделано в малом зале кинотеатра «Салют», что стоял на привокзальной площади.

– Это мы, – показала одна из женщин на двух девочек на фото. – Наши мамы вместе работали в кинотеатре.

Мы сидели и вспоминали любимые фильмы, любимых актеров, общих знакомых, мы как будто вернулись в наше далекое счастливое, хоть и не очень сытое, детство. Нам было хорошо вместе – это была встреча через полвека.

Новое в жизнь нашей окраины проникало слабо. В космос запускали ракеты, а мы отапливали дома углем и кизяком. Запах горелого кизяка чувствовался чуть ли не за километр, а то и за два. Идешь зимой с речки и чуешь, кизяком тянет. Кизяк горел жарко, почти как уголь. Прошло двадцать лет после войны, а уголь дед так и носил в немецкой каске. Когда в середине 60-х провели газ, каска куда-то исчезла.

Промтоварные магазины были для меня мукой, но я вынужден был ходить туда под материнским конвоем для приобретения одежды и обуви. Фуфайка – вот нормальная одежда, к которой я привык, в которой гулял и даже ходил на просмотр фильмов в клуб кирпичного завода, где подобного рода экипировка (фуфайка, кирзовые сапоги, холщовые иногда латаные брюки), никого не удивляла. Ее я не боялся порвать или выпачкать, чего нельзя было делать с приличной, или как ее тогда называли, выходной одеждой. В последней нельзя было ходить в глиняный карьер, на речку, на самолетную свалку, жечь костер, лазить через забор с колючей проволокой на заводской склад за «толкачиками», без которых никак нельзя было обойтись на Новый год. (Толкачиками мы называли клапаны двигателя самолета. Они были похожи на канделябр. Головку отпиливали ножовкой по металлу и бросали в воду – натрий, которым она была начинена, стрелял как артиллерийское орудие, выбрасывая в воздух кучу дыма и огня, заменяя нам новогодний фейерверк.) Фуфайка, в отличие от демисезонного пальто, хорошо предохраняла и от больно бьющих катышков из глины, когда мы «стрелялись» из рогаток в карьере улица на улицу; исходя из этих соображений, пальто туда я никогда не надевал – я умудрялся порвать его (и не только его) по пути в школу. Мать и отцу на первых порах старалась прикупать хорошую выходную одежду и обувь:

рубашки, костюмы, галстуки, шляпы, туфли, – но их хватало ненадолго – до первой выпивки. По мнению матери, в этом мы с отцом были похожи – приличная одежда на нас долго не держалась.

Культтоварные магазины привлекали меня больше, чем промтоварные – здесь продавались очень нужные мне вещи, но мы с матерью туда заходили редко. Деньги нужны были на другое – на холодильник, на стиральную машинку, на сервант и диван. Мать сэкономила на чем только можно. Я тоже экономил – на школьных завтраках (мне давали 15 копеек в день), как только собиралась определенная сумма, я тут же нес ее в культтовары. Игрушки стоили довольно дорого. К примеру, плюшевый медведь (одна из немногих игрушек, которую мне купили) стоил 10 рублей, действующий (на веревочках) экскаватор – пять рублей, настольный футбол на пружинках – 6 рублей, спасательный надувной круг – 3 рубля, деревянный конь – пятнадцать рублей, машина пожарная красная – 7 рублей. Были и товары подешевле: резиновый мячик – рубль пятьдесят, пробочный пистолет – 40 копеек, кубики – рубль, детское домино – рубль, игра «Охотник-рыболов» (шарик бежит по доске, а на ней лузы с животными и рыбами – кто набирает больше очков, тот побеждает) – два сорок, калейдоскоп – пятьдесят копеек. В основном, на все это я ходил только смотреть. По причине отсутствия в семье денег игрушек у меня почти не было. Свой первый автомат я сделал самостоятельно, отломив несколько небольших досточек от база, где держали кур. Главной игрушкой, конечно, была рогатка. Проверка на меткость была такой: попасть в фарфоровый изолятор на высоковольтном столбе. В случае удачного выстрела осколки красиво падали вниз с большой высоты.

– Смотри, завтра никуда с утра не смойся! – предупреждала меня мать накануне поездки по магазинам. – Завтра поедем в Пятигорск. Тебе нужно на осень купить ботинки – из старых ты вырос.

В городе магазинов было мало и ассортимент скудный, поэтому мы странствовали по другим городам, благо дело, билеты на электричку стоили недорого. На «странствия по магазинам» обычно уходил весь день. Единственным приятным моментом в этом мероприятии, был традиционный перекус в пончиковой на железнодорожном вокзале Пятигорска. Пончики были вкусные, посыпанные сахарной пудрой. Я съедал обычно штук пять

или шесть, в еде меня никто не ограничивал. Едва я успевал прийти в себя после изнурительных гонок по магазинам Пятигорска и Кисловодска, как меня вели на толкучку – она располагалась сразу за рынком на огромном пустыре. Работала толкучка только по воскресеньям. По сути, это была обычная городская барахолка, только огромная – больше километра в длину. Сюда съезжался народ из других городов за покупками, потому что наша толкучка была единственной в округе. Отличие толкучки от барахолки было в том, что помимо граждан, торгующих ношенными вещами, сюда приезжали и сельские автолавки. То, что не покупал сельский житель, приобретал городской. И действительно, зачем сельскому жителю лаковые туфли за тридцатку и парик? Ходить здесь было интересно, хоть и нудновато. Торговля шла всесезонно и всепогодно – и в дождь, и в снег, и в жару.

Накануне холодов бабульки бойко торговали вязаными носками. Товар был ходовой – зимой без вязаных носков никак не обойтись. Издалека виднелись шапки, висевшие на длинных палках, в основном из кролика. Сапоги мужские и женские, пиджаки, кофточки, френчи, плисовые капоты – все несли сюда люди в надежде сплавить кому-то, иногда попадались такие вещи – прямо из прошлого века: самовары деревянные, утюги угольные, патефоны. Товару было великое множество: платки шерстяные, косынки в цветочек, чемоданы, инструмент: кельмы, молотки, рубанки, пилы, дрели, – цыгане в синих костюмах торговали цепями, тяпками и граблями, бондари – бочками, в некоторых местах продавали даже упряжь и хомуты. Предназначения некоторых изделий народных умельцев я не понимал: огромная лампочка, в нее была налита жидкость, в лампочке сидела полуобнаженная русалка. Кое-кто из торговцев не стоял на месте, а ходил туда-сюда по толкучке, показывая, что называется, товар лицом, надев на себя пальто или шляпу. Попадались и такие, кто торговал новыми вещами, в основном, импортными, – подбор товаров был всегда одним и тем же: чулки с ажурными узорами, только что появившиеся колготки из нейлона и капрона, пояса для чулок, косметика, духи, куртки, кофты, платья кримпленовые, парики, женские сапожки на шпильках. Импортом торговали скрытно: носили за пазухой и предлагали шепотом. Мать у таких ничего не покупала принципиально. «Развелось спекулей, – возмущалась она. – Это ж запрещено». А мне поясняла, что за спекулянтами охотятся переодетые в штатское

инспекторы ОБХСС. Я не понимал, что за зверь этот ОБХСС и за кем он охотится, если эти самые «спекули» открыто разгуливают по рынку с товарами.

Внимание мое часто привлекали произведения искусства. Здесь можно было недорого приобрести приличные радующие глаз вещи: статуэтки – балерину с задранной ногой, футболиста с мячом, девушку с веслом, девушку, бросающую гранату, шахтера с отбойным молотком, сталевара; репродукции картин «Иван Грозный убивает своего сына», «Грачи прилетели», «Три богатыря». Я хорошо знал эти картины, потому что такие же точно репродукции висели у нас в школьном коридоре с бирочками, как в музее. Старый футбольный мячик, приемник, бравший все радиостанции (по заверениям продавца), валенки, чуни (специальный вид домашней обуви, сшитой из войлока), солдатская шинель, армейский бушлат, летная кожаная куртка на меху на молнии (мечта детства и юности), ремни разного фасона – от солдатского до офицерского, лисий воротник, настенный гобелен с оленем, слоники, идущие друг за другом, платья в цветочек и горошек, юбки, блузки, шарфы, женские шляпки, сумочки всех цветов и оттенков, галифе, пиджаки – все это было выложено на газетах и ждало своего покупателя. Кстати, слоники мне очень нравились, но я боялся попросить мать их купить, потому что она не любила, когда я приставал к ней с подобными просьбами. Автолавки стояли отдельно – все в ряд, с распахнутыми настежь дверьми будок. Чего в них только не было! Хорошо шли хозяйственные товары: мыло, зубные щетки, мочалки, веники, метлы, посуда, стиральные порошки «Новость» и «Дон», синька, дуст, оцинкованные и эмалированные ведра, медные тазы, детские ванны, кастрюли и чайники, термосы. Часть автолавок специализировалась на предметах культурного назначения – книги различных жанров, пластинки, музыкальные инструменты: балалайки, гитары, гармошки, бубны, барабаны, скрипки, виолончели, духовые инструменты. Гармошки брали, но я ни разу не видел, чтобы кто-то купил скрипку или трубу. У нас на улице баянист был, даже не один, а два, а вот с трубачами и скрипачами была напряженка. Однажды я увидел в автолавке странный прибор на треноге. Оказалось, это продавали старинный фотоаппарат. Здесь же на привозе я впервые увидел бинокль и телескоп. Тогда, наверное, каждый мальчишка хотел иметь бинокль, но бинокль стоил недостижимых, немислимых денег – сто рублей. Такая же история

была с велосипедами, блестящими новой краской, с сумочкой для инструмента, с металлическими хромированными колесами, – настоящие детские велосипеды. Чего бы я только не отдал тогда за такой велосипед! Но данная тема тоже обсуждению не подлежала.

Воспитание, как и все в дедовском доме, было старорежимным. Детям разрешалось учить уроки, подметать двор, носить ведрами воду из крана, рвать кроликам траву, ходить на речку, в лес, лазать по деревьям (невысоко), жечь костер, играть в футбол и другие подвижные игры. Категорически запрещалось делать рогатки и самопалы, рыть землянки на пустыре (там, где во время оккупации был немецкий аэродром), рвать одежду и обувь (за это следовало суровое наказание), играть в карты, курить, «бастовать» (прогуливать уроки), делать «стукалочку» нерадивым соседям, ходить на мусорную свалку, давать без спроса из дома книги (у кого они были), драться до крови, бить стекла у соседей футбольным мячом и прочими подручными средствами, писать на заборе мелом «Петька дурак», «Пилета спекулянт» и прочие откровения, кататься на грузовых вагонах, петь блатные песни, лазить по соседским садам и огородам, «обносить» колхозные сады, когда там поспевала черешня, и еще много чего другого. Одним из краеугольных камней воспитания была простота норм поведения: вот это можно, а вот это нельзя – без объяснения причин в сочетании с доступностью и традиционностью средств наказания (ремень, хворостина, угол, запрет на гуляние). В больших семьях за маленькими смотрели не родители, а кто-то из старших братьев или сестер. За именем последних за мною приглядывал мой дядька, который был старше меня всего на 8 лет. Он вынужден был сидеть дома со мной в то время, когда за забором бурлила событиями жизнь. Он называл меня Сильва за то, что мать планировала отдать меня в музыкальную школу по классу скрипки. О баяне она и слышать не хотела, потому что считала всех баянистов алкашами. Дядька в силу своего невыносимого характера держал меня, что называется, в черном теле, всячески стараясь ограничить мою свободу передвижения. Однажды он посадил меня в кроличью клетку, а сам ушел гулять – я просидел в ней больше часа, пока меня не нашел дед. В школе дядька был круглым двоечником, второгодником. Когда я в первом классе выбился в отличники, ему стали ставить меня в пример – он этого вынести не смог и усилил «репрессии». Я жаловался бабушке, жаловался созна-

тельно, несмотря на ее негативное отношение к стукачам. Не один раз мне пришлось испробовать на своей шкуре крепость солдатского ремня, висевшего в кухне на гвоздике и всегда готового к употреблению. «Расправившись» со мной, она принималась за дядьку. Как старшему ему доставалось больше. С нескрываемой радостью я наблюдал, как после нескольких не очень болезненных шлепков по моей заднице, бабушка начинала всерьез дубасить дядьку, вопившего от возмущения: «За что?»

– Ах, ты еще спрашиваешь, за что! – распалаясь бабушка и припоминала ему и курение, и двойки, и визит классного руководителя с жалобами на его хулиганское поведение в школе.

– Да тебя нужно бить-бить, да потом еще и обивки в задницу засунуть, – оправдывала она свои карательные действия.

В школе, как и дома, царил деспотизм и произвол. Дисциплина была палочной, за малейшее нарушение школьного режима вызывали родителей со всеми вытекающими отсюда последствиями. В обязательный комплект школьника входила сумочка с чернильницей и сумочка со сменной обувью. Если забыл сменку, то хана, в школу не пускали, а дома за пропуск занятий можно было получить от матери хворостины. Школа № 3, куда я ходил, отличалась своей архитектурной красотой от других школ города – двухэтажная, с лепными украшениями на стенах, с каменными шарами у парадного входа, обнесенная новым деревянным на кирпичном фундаменте забором. Фасад был выполнен в греческом стиле: портик из четырех белых квадратных колонн, увенчанных треугольным фронтоном, внутри него, в самом центре красовался цветной барельеф в виде двух пионеров с горнами в руках, между ними надпись: «Учиться, учиться и учиться. В.И. Ленин».

Типичным представителем педагогического коллектива была преподавательница музыки фронтовичка Нина Исаковна. Боялись мы ее как огня и между собой называли Ниночка. Ниночка ценила на свете три вещи: дисциплину, игру на баяне, в промежутках между налаживанием дисциплины в классе и виртуозной игрой на инструменте, она курила.

«Чего бы мне это ни стоило, но людей я из вас сделаю, – пообещала она нам при первой встрече. – Кому не нравится – переводитесь в другую школу». Перевоспитывать, как она нас называла, папиных и маменькиных сынков (где она их только нашла в нашем классе) она начала сразу, без прелюдий, что

называется, засучив рукава. С Ниночкой мы научились ходить строем, танцевать в паре с девочками польку, говорить «я», когда называли твою фамилию, следить за чистотой обуви, носить в кармане чистые носовые платки, вовремя стричься, не грызть ногти, мыть после туалета руки, ноту ля отличать от ноты до, понимать разницу между своим и общественным. Нерадивого ученика она могла взять за ухо и вывести из класса. По школе ползли упорные слухи, что Ниночка служила в разведке, ходила в тыл к немцам за «языком» и может лично уложить при помощи приемов двух-трех мужиков. Мы старались с ней не ссориться. В любимчиках у нее ходили только те, кто пел в хоре. На этой волне в школьный хор записался весь класс, включая меня. Даже те, кому наступил на ухо медведь, пытались правдами и неправдами пролезть в ряды хористов-счастливчиков. В хор брали только мальчиков. Репетиции проходили почти ежедневно в спортзале. Репетировали долго – по два часа. Вследствие такого рвения школьный хор вскоре стал занимать на всех смотрах призовые места, чего раньше с ним никогда не случалось. Не обошлось и без ЧП. На хоровом смотре, посвященном празднованию 23 февраля, во время выступления во Дворце культуры железнодорожников последний ряд хористов, стоявших как обычно на скамейках, рухнул. На лице аккомпанировавшей Ниночки не дрогнул ни один мускул. Она подала рукой знак – продолжать. Упавшие продолжили пение. Солист с улыбкой на лице закончил бравый припев, выделяя каждое слово:

Он не привык робеть в беде

И отступать назад.

Так, значит, верно говорят:

Солдат – всегда солдат.

После этого, чеканя шаг, он, как заправский служака, ушел за кулисы. Зрители подумали, что падение – это домашняя заготовка, и разразились бурными аплодисментами. «Молодцы! – кричали они. – Bravo!» Спели мы тогда действительно здорово.

– Молодцы, – сказала скупая на похвалу Ниночка после выступления, построив весь коллектив за кулисами. – А ты, – сказала она толстому мальчику, стоявшему в строю несмотря нашибленную ногу, можешь завтра не приводить в школу родителей.

Пострадавший радостно просиял. Лучшей награды трудно было и пожелать. Я тогда не знал, что это называется в армии поощрение ненаказанием.

1954 г., город Минеральные Воды
Семьи Катаевых, Копниных, Лотниковых, Гагакных

Сухопарость, подтянутость, крупные черты лица, резкие обороты речи, угловатость движений, плотно сжатые губы, черные, с легкой сединой, волосы – в ее облике было что-то агрессивное, мужское, сильное и упорно-волевое. Она ходила по коридору всегда в одном и том же сером костюме в полоску, немодных туфлях на широком каблуке, делавших ее еще выше и грознее, строевым шагом, как на плацу, отмахивая в такт шагам правой рукой (левая придерживала баян, висевший на плече).

– Вы мне еще потом спасибо скажете, – говорила она нам.

Теперь, спустя много лет, я действительно благодарен ей. Она жила работой – другой жизни у нее не было. Говорила Ниночка так, словно рубила дрова. Это были скорее не фразы, а лозунги и заголовки передовых газет:

– Разгильдяям не место в советской школе!

– Главное – дисциплина.

– Мальчики должны готовиться стать солдатами.

– Мужчина, который не служил в армии, – не мужчина.

Разный народ учился в школе. Были и такие, по ком тюрьма плакала, кто финку с кастетом в кармане таскал, мог и шпалер на урок принести в портфеле вместо учебников. Школа стояла на границе Титана и Сахалина (так назывались два враждовавших между собой района города). Ходить здесь в темное время было небезопасно – запросто могли раздеть, а заодно и зубы пересчитать. Так как большинство из этой шантрапы еще не достигло совершеннолетия, они ходили в школу, но не учиться – а так, отбывать время. Вечерами они дефилировали по неосвещенным улицам небольшими группами по 5-7 человек. Перед ними пасовали даже взрослые дяди – предпочитали не связываться. На уроках они вели себя дерзко, вызывающе. Их терпели до 9-го класса, чтобы потом сбегать в ПТУ. Ниночка с «подобными элементами» не церемонилась, реверансов перед ними не делала. Глядя в глаза обидчику, словно гипнотизируя, пальцем звала его к себе, затем отводила в учительскую и там во второй маленькой комнате, без свидетелей, тет-а-тет, проводила «разъяснительную» беседу, иногда с рукоприкладством. Тем, кто (как ей казалось) оскорблял ее как женщину своим наглым циничным поведением, она давала пощечину. Бывало, что и не одну.

– Наглецам, блатарям и хамам, – говорила она, – я всегда даю по морде.

Девочек Ниночка не наказывала – жалела, но была с ними придирчиво строга и неприветлива. Она запрещала им краситься, носить чулки со швом, кольца и сережки.

– Вы что, купчихи? – выговаривала она, – вы же советские девочки. У вас должна быть естественная красота. Русская женщина красива и без дорогих побрякушек.

Умерла Ниночка рано, не дожив и до пятидесяти лет, в полном одиночестве, всеми забытая, в той самой кухне, которую она снимала. Хоронили Ниночку знакомые и соседи, родни у нее не было...

* * *

Ничего в нем не было необычного, в этом старом доме на окраине – дом как дом. И все же небольшая странность присутствовала: совершенно глухая (без окон) стена, выходящая на улицу, имела неровную поверхность, словно кто вдавил ее внутрь – изгибом стена напоминала казацкую саблю. Когда я выпрашивал про это у деда, он обычно отнекивался: «Некогда мне. Потом». Мне казалось, что здесь кроется какая-то тайна...

Холодные дожди закончились, и яркое южное солнце начало прямо с утра припекать, словно это была не вторая половина осени, а разгар лета. Несколько желтых кленовых листьев плавали в большой луже, образовавшейся посреди разбитой грузовиками дороги. По такой погоде в школу идти одно удовольствие.

Неподалеку от строящегося моста через железку на обочине грунтовой дороги я увидел стоявший на распорках трактор с ковшом – рядом с ним лежала вывернутая из земли вся облепленная липкой желтой глиной неразорвавшаяся бомба времен войны. Бомба лежала прямо на дороге, толстая, пузатая, с покоруженным ковшом экскаватора боком. Тракторист в кирзовых сапогах и промасленной кепке, облокотившись на колесо трактора, курил. Папироса у него постоянно тухла, он прикуривал ее, нервно чиркая спичкой по коробке, и матерился. Руки его дрожали.

– Вот, ядрена Матрена, – рассказывал он мужичку в помятой шляпе. – Могло ведь долбануть, мать ее, так, что всем чертям стало б тошно. Вот бы смеху было, – говорил он с напускной веселостью. – В мирное-то время взять с дуру и взлететь на

воздух вместе с трактором! Ведь что главное, ну, заскрежетало что-то под ковшом. Брось, идиот, вызови начальство. А вдруг клад, думаю. Решил достать. Вот он «клад», лежит теперь, зубы ржавые оскалил.

Мужичок в помятой шляпе понимающе кивал головой. Народ между тем останавливался поглазеть на редкий для мирного времени экспонат. Большинство собравшихся никогда такого не видели. Это ж надо, настоящая бомба и прямо посреди улицы. Да еще какая, размером с хорошую свинью.

– Наша! – мужичок в помятой шляпе поглядывал на толпу зевак и с видом знатока ходил вокруг бомбы. – Точно наша. Аэродром бомбили, чтоб немец взлетать с него не мог, вот случайно и скинули людям на голову. В слове «людям» он сделал ударение на последнем слоге.

– Видать, бракованная оказалась, – криво улыбнулся он. – Раз бракованная, значит, точно наша. Аэродром здесь был, ну где сейчас завод «Сувенир», – показал он рукой в сторону реки. – Мне дед мой рассказывал, что к ним оттуда пилоты столоваться ходили еще до войны. М-да, пилоты-добролеты. Чуть своих же и не угробили.

– Сам ты бракованный, – презрительно бросил ему небритый мужик в телогрейке. – Не знаешь, так не баклань, шляпа. Глаза разуй – немецкая это, да и не могли наши на своих бомбы кидать. Понял, оратор хренов? Не могли! Да ее и так видно, по оперению, что немецкая! Фугас килограмм на сто.

Гражданин в помятой шляпе, который сказал, что бомба наша, отошел, обидевшись, в сторону, но спорить не стал, видимо, поняв, что ляпнул что-то не то.

– В 43-м немец тут их много набросал, – продолжил небритый, – самолетик-то ихний тогда зенитка наша подбила, она возле переезда стояла, под деревом. Двух девочек соседских убило тогда молодых совсем, а у Катаевых стенку дома взрывом выворотило, сами чудом живы остались.

– Почему Катаевых? – подумал я. Катаев фамилия деда. Сомнений не было. Он рассказывал о нашем доме.

– Повезло еще, что стенка не кирпичная, был бы кирпич, все, конец,.. а саман, он что – вывалилось внутрь пару саманов, и все. Дом до сих пор стоит целехонек. Так, подлатали апосля маленько, и все. А фриц-летчик сгорел, сука. Я сам видел. Взорвался прямо на берегу Кумы и сгорел. Небритый рассмеялся тихим, почти беззвучным смехом.

Экскаваторщик внимательно дослушал небритого мужика, бросил окурок под ноги, по привычке загасив его кирзовым солдатским сапогом.

– Ладно, – сказал он по-хозяйски. – Поболтали и будя. Давайте товарищи, маршируйте отседова вон туда, – он показал рукой в сторону моста. – Здесь вам не цирк «Шапито» и не зверинец. А ты, длинный, грабли убери, – обратился он к мужчине в помятой шляпе. – Неча к бомбе лезть, это те не соседка, чтоб ее гладить! Ну, расходитесь, граждане. Расходитесь. Сейчас военные и милиция приедут, они разберутся, чья она и какой национальности. Она ведь не разбирает, свои или чужие. Долбанет так, будь здоров. Ей-то что...

– А че она все-таки не взорвалась? – спросил напоследок гражданин в помятой шляпе. – А если б взорвалась, небось, наделала б шухеру. На его худом щетинистом лице появилась ехиднёнькая усмешка.

– А черт ее знает, чего она не взорвалась, дура немецкая, – отозвался тракторист.

* * *

Самым ярким праздником детства, конечно, был Новый год: каникулы, утренники, конфеты, орехи, яблоки, мандарины – именно этим были «начинены» все подарки, которые я получал.

Город в эти дни преображался: напротив почты ставили большую елку, в витринах магазинов появлялись вырезанные из салфеток снежинки, через улицы протягивались веревочки с разноцветными флажками, как по мановению волшебной палочки на проспекте 22 Партсъезда вдруг вырастали маленькие сказочные домики с нарисованными на них персонажами русских народных сказок.

Дома тоже наряжали елку – это была семейная традиция (по рассказам матери, даже в войну – в лихолетье ставили елку). С чердака доставался большой ящик с игрушками. На самую макушку надевалась красная звезда из тонких стеклянных трубочек, которые переливались всеми цветами радуги, когда включали гирлянду. Под елку ставили Деда Мороза из ваты с посохом. Мне всегда было интересно, а что же лежит в мешке Деда Мороза. Разные игрушки на елке висели: и старые, и только что купленные, – я любил их рассматривать. Это был ска-

зочный мир, в котором жили: пингвин, фонарик, Дюймовочка, заяц, волк, лиса, белка, еловая шишка, кукурузный початок, улыбающийся месяц, красный перчик, сосулька, футбольный мяч, избушка с трубой, покрытая серебристым инеем, виноград, гранат, мишка, играющий на баяне, полосатая юла, орешек, гриб с красной шляпкой, новогодняя маска, колокольчик, стеклянные бусы из цветных трубочек и шариков, часы с циферблатом, показывавшие без пяти минут 12, золотистый лук, алая морковь, бордовая клубничка, разноцветный попугай с голубым хохолком, петух, большеглазая сова, картонные снегирь, верблюд, лошадь, слон. Но одна игрушка выделялась из всех – старая, блеклая, с выцветшей местами краской, на ней был изображен «Серп и Молот», мама всегда с нежностью брала ее в руки и вешала на елку.

Из воспоминаний моей матери

Город часто бомбили то наши, то немцы, и мама нас с пятилетним братом Геней укладывала спать в подвале в ящике для хранения картошки. Гена почти сразу засыпал, а я долго не могла уснуть, потому что мне было очень страшно. В августе 1942 года в город вошли немцы. Около дома росли большие деревья карагачи, под этими деревьями для маскировки оккупанты ставили свою технику. Сидя на бронетранспортерах, они ели хлеб и консервы, хлеб был сухим, немцы обрезали корки и бросали их на землю, мы с братом подбирали эти обрезки и ели. Вкус этого хлеба я помню до сих пор.

Однажды пьяный немец, живший у нас, стал хватать нашу собаку за морду. Папа его предупредил, что собака кусается. Тот, видимо, не понял и стал повторять, коверкая слова: «А, кушает, кушает». Собака его укусила. Немец, ошалев от боли, вытащил пистолет и стал стрелять в собаку. Она падала, вскакивала и, скуля, бегала вокруг дерева. Немец, ругаясь по-своему, ушел куда-то. Через некоторое время он вернулся, но уже не один, а с друзьями – все они были пьяные. Высокий худой немец достал пистолет и стал с остервенением стрелять в собаку, но убить ее так и не смог, собака еще дышала. Тогда они вывернули из земли заборные кольца и добились ее. После этого другой немец подошел ко мне с братом, он что-то говорил по-немецки, показывал на уже мертвую собаку и приставлял

пистолет то к моей голове, то к братовой... Мы думали, что он нас убьет. Но немец злорадно улыбнулся, засунул пистолет в кобуру и ушел.

Незадолго до освобождения города, в конце декабря, приехали немцы на бронетранспортерах. Расквартировались быстро. Нас выгнали в холодный чулан, солдат отправили к соседям, а офицеры расположились в хате. Печь топили жарко, дров не жалели. По-русски никто из них не говорил, знали только отдельные слова.

– Сталинград, Сталинград, – повторяли они, ломая и коверкая русские буквы. – Сталин капут. Русиш капут. – Они смеялись, но было видно, что веселье напускное.

Свои черные кожаные пальто и фуражки немцы сложили на большой сундук, который стоял возле входа. Всю ночь они пили и горланили песни, спать никто не ложился. Ближе к утру один, видимо, самый главный подошел качающейся походкой к стоявшей посередине комнаты новогодней елке, внимательно посмотрел на игрушку, висевшую на ней, и приказал привести хозяина дома. Когда папа вошел, немец, пьяно улыбаясь, постукивал пальцем по стеклянной игрушке, на которой был изображен советский герб с серпом и молотом.

– Бист ду партизан? – ээсовец ткнул пальцем ему в грудь.

– Нет, – сказал папа.

– Бист ду партизан? – не отставал офицер.

Папа молчал. Офицер был пьян и к тому же плохо понимал по-русски, он потянулся к кобуре.

Все это происходило на моих глазах. Я очень боялась за папу. К счастью, офицера кто-то позвал, и он, шатаясь от выпитого, ушел в соседнюю комнату, где веселилась вся компания. Рано утром фашисты уехали.

Солдаты Тоний и Адам жили у соседей и приходили играть с нами. Видимо, они скучали по своим детям. Тоний очень боялся русских партизан и говорил: «Русский партизан – Тоний капут», «Зачем война, ну, чтобы Сталин и Гитлер тук-тук и все». Он показывал нам фотографии своих мальчиков. Один мальчик был приблизительно такого же возраста, как мой брат Гена. Тоний приносил с кухни в котелке еду и говорил: «Гена, кушай». А Адам получил из дома посылку, всю ее принес нам. Мы их учили разговаривать по-русски, но они, уходя, го-

ворили: «Здравствуйте!», приходя, говорили: «До свидания!» Они очень просили «никс говорить камарад» о том, что они нас подкармливают, что им за это будет «капут».

Напротив нас жила многодетная семья, и их отец – дядька Иван записался добровольно в полицию. Относился ко всем высокомерно, а моей маме сказал, что за то, что она была активисткой при советах, ее нужно повесить. Мама ушла тогда пешком в село Александровское к родственникам на время, потому что боялась, что ее действительно повесят. Через неделю она вернулась. Дядьку Ивана судили после войны – дали ему десять лет. После заключения он вернулся и стал жить как ни в чем не бывало, на нашей улице. Потом его нашли мертвым на железнодорожном полотне – говорили, кто-то сбросил его с электрички.

Во время отступления немцы все взрывали, чтобы ничего нашим не осталось. Они взорвали вагоны с боеприпасами на железной дороге в Северном парке – это было от нас недалеко. Всю ночь гремели взрывы, небо было огненное. В окно было видно страшное зарево, такое впечатление, что все вокруг нас уже горит. Мы прятались в подвале, подвал был маленький и очень тесный, а утром, уже на рассвете, папа услышал автоматную очередь и сказал, что это наши. Действительно, когда совсем рассвело, папа вышел на улицу, к нему подошел наш офицер и спросил: «Хозяин, к тебе во двор можно поставить козла?» Папа, естественно, согласился. Каково же было наше удивление, когда во двор въехала зенитная пушка. Оказываются, зенитчики в шутку называли свою установку «козел». Так у нас поселился орудийный расчет из 7 человек. Однажды во время одного из налетов немецкий самолет бомбил железную дорогу и попал под интенсивный огонь наших зениток. Летчик стал беспорядочно сбрасывать бомбы, одна из них взорвалась рядом с домом, где жила сестра отца тетя Маня – в стене образовалась дыра. Тетя Маня с грудным ребенком и бабушкой Матреной перебрались жить к нам. Теперь нас было уже 14 человек. Ребята из орудийного расчета были разного возраста, в основном, лет по 20-25, но один был довольно пожилым мужчиной, он нам, детям, мастерил всякие игрушки из дерева и яичной скорлупы. Солдаты привозили домой продукты, а бабушка, мама и отец целыми днями в огромном чугуне готовили еду, и мы все вместе питались. А самое главное для нас, детей, что

они нам принесли огромную банку, килограмма 3, варенья из инжира. Конечно, мы никогда такого чуда не ели, и для нас это было просто счастье. Для зимы одеты солдаты были очень плохо – тонкая рубашка и шинель. Как-то они привезли несколько байковых одеял, и бабушка, мама, тетя шили днем и ночью им безрукавки. Словом, жили мы с ними как большая и дружная семья. Пожилой солдат еще какое-то время писал нам письма.

Вскоре после освобождения открылись школы. Я ходила в школу № 111, рядом с ней проходила железная дорога, которая часто подвергалась бомбардировкам. Однажды, когда я с другими детьми шла домой из школы, внезапно налетели немецкие самолеты. Это очень страшно, когда рядом с тобой рвутся бомбы. Земля гудела под ногами, гул от низко летящих самолетов был такой, что закладывало уши, кругом грохот взрывов, крики людей, дым, запах гари. Мы бежали домой под градом осколков. К счастью, никто из нас не пострадал. После этого мои родители еще долго не пускали меня в школу – до тех пор, пока не прекратились бомбежки. В первые годы после войны жилось очень трудно, а в 1947 году из-за сильной засухи случился голод. Было нечего есть. Не было хлеба – мололи кукурузу, варили и ели. Папа собирал алюминий, благо разбитой техники было вокруг много, в баночках плавил его и заливал в специальную форму с песком. Так он наладил производство алюминиевых ложек. Ложки получались с множеством заусениц, и мы всей семьей их шлифовали. Папа ездил по деревням и менял ложки на продукты, но этого не хватало – мы голодали. Тогда часть участка, на котором стоял дом, продали. Участок, где стоял дом до того, как часть его была продана, заканчивался большим пустырем, простиравшимся на север до кирпичного завода, а на запад – до стекольного завода. На этом пустыре (по рассказам бабушки) с 1925 года был гражданский аэродром – один из первых аэродромов в СССР.

***

Многое повидал старый дом на своем веку. Дома ведь они как люди – рождаются, живут и умирают. В нескольких метрах от дома прямо на меже рос высоченный карагач, он как исполин возвышался над всей округой, выделяясь своей широкой кро-

ной. Мы, пацаны, любили играть знойным летом в тени этого исполина. Неподалеку от карагача произрастали сучковатая толстая груша и дикая яблоня, всегда в августе усыпанная мелкими сладко-кислыми плодами, которые почему-то называли райскими. Из них варилось варенье. К наклоненному стволу яблони дедушкой были привязаны детские качели. По периметру участок был окружен мощными толстокорыми акациями, они красиво цвели и пахли в мае, свешивая с зеленых веток бело-желтые гроздья своих соцветий. Северную часть участка занимали непроходимые заросли дикой сирени – улиточный рай. Улитки ползали везде: по траве, по прошлогодним листьям, по гладким стволам молодых побегов, – высовывая из своих полосатых домиков маленькие розоватые рожки. В детстве я любил приходить сюда, в эти заросли, и сидеть здесь часами, затаившись, вслушиваясь в звуки другой, скрытой от людских глаз жизни. Иногда меня здесь заставляла ночь. И тогда старый дом, деревья, кусты как будто оживали и начинали разговаривать со мной на своем языке: вот беспокойно зашумел ветер в кронах акаций перед дождем, заскрипел стволом, как бы кряхтя, старый неповоротливый карагач, где-то далеко ухнул раскат грома, и по широким листьям сирени зашлепали первые крупные капли летнего теплого дождя, – все было родным и понятным мне.

Этот дом мне всегда казался очень древним, вышедшим из другой эпохи, про которую я почти ничего не знал. На чердаке пахло затхлостью и пылью, валялись старые вещи, чемоданы, связки пожелтевших газет и журналов, какие-то шляпы, пиджаки, поломанные этажерки и стулья. Лестница, по которой я забирался на чердак, была ветхой, готовой в любой момент ломаться. На чердак никто, кроме меня, не лазил — боялись, что лестница не выдержит. Бабушка Маня, видя мое стремление сломать себе однажды шею, упав с лестницы, пожаловалась своему брату – моему деду. Дед дал мне подзатыльник и запретил под угрозой порки лазить на чердак, пообещав заколотить проход между домами досками, если я, как он выразился, не перестану «колобродить». Он мне припомнил недавно выбитое футбольным мячом стекло и принесенный с карьера ржавый револьвер, который он выбросил в нужник.

– Матери расскажу, – грозился он. – Ужо она тебе всыплет хворостины!

Несмотря на запрет и обещание наказания, я упорно продолжал свою кладоискательскую деятельность. Я не мог остановиться на полпути. Старый чердак хранил тайну, и я должен был ее раскрыть. Мне, двенадцатилетнему мальчишке, начитавшемуся пиратских и рыцарских романов, казалось, что местность буквально нашпигована кладами. Этот интерес подогревался слухами. На улице во время посиделок от взрослых можно было услышать разные байки: про клад Чингисхана, зарытый где-то на берегу реки Кумы; или о помещике Пеховском, замуравившем в стену костела все свои сокровища перед тем как сбежать за границу. От этих рассказов у меня бегали мурашки по коже. Я чувствовал, что клад где-то рядом, нужно было только на чердаке в старом хламе раскопать шкатулку или сундучок, в котором он хранился, или найти карту, на которой было бы обозначено место, где он зарыт. Вскоре лестница все же поломалась, и лазить на чердак стало невозможно.

В старом доме даже в самую страшную июльскую жару было прохладно и уютно. С годами он, как и большинство старых зданий, врос в землю, крыша обветшала, доски на коньках стали серыми и ломкими, ставни с облезшей краской провисли на петлях и плохо закрывались, потолки потрескались, штукатурка осыпалась, обнажив неровные ромбики старой дранки. Так и «куковала» баба Маня, моя двоюродная бабушка, в одиночестве в этом большом старом доме – дочка уехала учиться в Ростов, там вышла замуж и родила сына, возвращаться в родные стены она не собиралась.

Баба Маня жила одна, словно хранительница той жизни, которая когда-то протекала в старом доме. Теперь здесь редко бывало многолюдно. По вечерам на небольшой верандочке со скошенным порогом баба Маня разжигала допотопную, сильно коптящую керосинку, ставила на нее что-то варить, брала в руки книгу, садилась рядом и углублялась в чтение. У нее была большая библиотека, и она могла часами зачитываться любимыми авторами, иногда забывая следить за тем, что варилось в кастрюле. Как и все не от мира сего люди, она была немного рассеянной. Дом и участок пребывали в запущенном состоянии, поскольку все свободное время она посвящала книгам. «А я этих велогонок не люблю, – повторяла она. – Всех дел не переделаешь. Я вот лучше почитаю». С этими словами она обычно под-

ходила к фанерной этажерке, под завязку забитой литературой, и любовно поглаживала обложки милых сердцу изданий. В ее манерах было что-то аристократическое. Над интеллигентностью и незащищенностью бабы Мани шутили и родственники, и соседи. Но она не обижалась. Откуда взялась эта интеллигентность у дочери простого рабочего?

Обстановка в доме была самой простой: самодельный кухонный стол, несколько гнутых венских стульев, сеточная широкая кровать с пирамидкой подушек, настенный дешевенький бархатистый коврик, фанерный шифоньер, старый комод – вот, пожалуй, и вся мебель. В доме пахло старыми вещами. Этот запах был неистребим – так пахнет старость. Здесь и время текло медленно, как будто нехотя. Порой мне казалось, что оно здесь остановилось, только было слышно, как тикают ходики на стене, мерно отсчитывая маятником секунды уходящей в прошлое жизни. Так, наверное, и нужно жить – тихо, спокойно, в гармонии с собой и внешним миром, делать то, что ты любишь, никуда не спеша, задумчиво смотреть на звездное небо, закат, зарю и мерно текущую гладь реки. Возможно, что раньше люди так и жили, но потом разучились. Сравнивая современную жизнь и ту далекую, ушедшую безвозвратно, невольно сознаешь, что та жизнь была хоть и беднее, но честнее и во многом счастливее, потому что в людях, несмотря на все испытания, выпавшие на их долю (война, голод, разруха), сохранились человечность, интерес друг к другу. Маленьким я это постоянно ощущал во время праздников, когда за столом в дедовом доме собиралась большая семья – только у бабушки было семь сестер и три брата. Все братья вернулись с фронта живыми. У сестер тоже все мужья вернулись живыми. У всех были дети, внуки. В общем, за столом было всегда тесно. Пили и ели сравнительно немного, пели песни, вспоминали. Почти во время каждой посиделки бабушка Лиза, родная сестра моей бабушки, просила своего мужа, дедушку Федю:

– Милый, – говорила она, ласково глядя ему в глаза, – ну расскажи, как ты Ленина видел.

Дедушка Федя в свои шестьдесят выглядел молодцевато – высок, наголо выбрит, одет в военный френч и сапоги, он расправлял и без того широкие плечи, напускал на себя важности и начинал свой рассказ о том, как видел Ленина. Все сидели,

не шелохнувшись, хоть и слышали этот рассказ не впервые. Не каждому выпадает такое счастье – видеть живого Ленина. Я тоже слушал. Мне было хорошо и уютно среди близких людей. Это была моя семья, большая и дружная. Оказывается, ощущать себя частью большой семьи — незаменимый компонент счастья.

У бабы Мани в большой комнате старого дома тоже иногда собиралась родня, стряпать она не любила – покупала продукты в магазине (зарплата бухгалтера позволяла ей это делать). Не каждый мог тогда поставить на стол копченую колбасу, сыр, селедку, рыбные консервы, печенье и конфеты. Шпроты я впервые попробовал именно у нее. Из шпрот принято было делать бутерброды – на черный хлеб намазывалось масло и клались две шпротины. Можно было, наколов кусок хлеба на вилку, вымакать им оставшееся в банке масло, сохранившее в себе вкус рыбы. Есть шпроты из банки считалось расточительством. В те далекие времена, скупые на различного рода развлечения, народ развлекал себя собственными силами. Насытившись едой и напитками, родня просила меня что-нибудь спеть. Для того чтобы веселее было, звали соседа, гармониста Сашку, который был похож худобой и дергаными манерами на Геббельса, только в очках. Несмотря на юный возраст, он ходил по свадьбам и прочим гулянкам, сшибая при помощи гармошки где рубль, где два. За свадьбу ему давали пятерку, плюс кормили. Наше семейство по-соседски он обслуживал бесплатно. Вообще-то он был добрым человеком, но как тогда говорили, с прибабахом. Звали его на улице Моля Гундич. Моля сокращенно от фамилии Самойленко, а Гундич, наверное, потому, что он любил вставлять в свою речь различные немецкие словечки типа «гуд», «хенде хох», «капут». Я для солидности забирался на табуретку и складывал руки в замок, как это делали артисты по телевизору. Моля Гундич по-гусиному вытягивал шею и брал первый аккорд худыми и цепкими пальцами...

В моей детской памяти остался один летний вечер. Были, конечно, и другие вечера, но запомнился, врезался в память почему-то именно этот. На веранде варилась мелкая молодая картошка, накопанная в огороде, из маленькой алюминиевой кастрюльки доносился аппетитный запах. Так пахнет картошка только в детстве. Баба Маня, сидя рядом с допотопной керосинкой, читала, надев толстые, как лупа, очки (чтение, как из-

вестно, портит зрение). Я сидел рядом и терпеливо ждал ужин. Наконец, она сняла кастрюльку с керосинки, слила, посолила, посыпала молодым укропом, положила несколько столовых ложек домашней сметаны. «Кушай, – сказала она. – Там у меня кусочек «Наполеона» остался. Будешь?» Я обрадованно кивнул («Наполеоны» баба Маня делала отменные). Ужинали молча. Потом я спустился по кривым деревянным ступенькам в сад. Уже стемнело. На небе появились звезды, над цветами в палисаднике закружили крупные мотыльки. Запахло ночной фиалкой. Чудесный запах, казалось, заполнил все пространство. Ночной сад манил, он был полон тайн. Здесь все было нетронутым, заповедным, дорожки не посыпаны песком, а просто протоптаны по вьющейся по земле замысловатыми узорами траве. Я осторожно пошел навстречу таинственному и неизвестному, преодолевая детский страх. Пространство сада было наполнено непонятными звуками и шорохами. Я подошел к старой груше и стал смотреть на звездное небо. Казалось, что жизнь бесконечна и все это будет существовать всегда – ночь, звезды, карагач, запах молодой картошки, баба Маня с книжкой в руках и этот старый дом.

* * *

Елочная игрушка с серпом и молотом до сих пор цела, она лежит у нас дома вместе с другими елочными игрушками, заботливо обернутая в несколько слоев бумаги. Мы ее бережно храним как реликвию, словно это она спасла всю нашу семью и от эсэсовцев, и от бомбы.

Когда мои дети были маленькие, в канун Нового года мы доставали ее из ящичка, рассматривали, прежде чем повесить на елку. Ничего особенного – маленькая, блеклая, с серпом и молотом.

– Бабушка, а ты правда видела фашистов? – спрашивают внуки.

– Правда, мои родные, – отвечает мама и на ее глаза наворачиваются слезы.

Она обнимает маленьких внучек, радостно топающих вокруг елки, всех троих сразу, как будто хочет защитить их, уберечь от чего-то страшного. Обо всем ведь не расскажешь. Да и как

рассказать о том, как смерть в человеческом обличье ходила рядом в кожаном пальто и надраенных до блеска сапогах. Она, эта смерть, смотрела пьяными злыми глазами на маленькую напуганную беззащитную русскую девочку.

– Бабушка, а фашисты – люди?

Какой простой, до наивности детский вопрос: а люди ли они были? На него не так просто ответить. Может ли нормальный человек так презрительно относиться к чужой жизни? Наверное, нет. Кто знает, где проходит та грань, за которой человек перестает быть человеком? Может быть, именно память о прошлом и делает нас людьми – память о тех, кто жил до нас, строил дома, пек хлеб, воевал, ел мамалыгу и думал о вселенной, о жизни, о том, как она тяжела и прекрасна одновременно.

Быстро течет время. Ушли в прошлое шестидесятые годы, а вместе с ними ушло и мое детство. Старый дом на окраине сломали, сад выкорчевали, а раскидистый карагач, укрывавший нас, ребятишек, в своей тени в жару, спилили – он мешал новому строительству, затеянному бабой Маней. Книжки, с которыми она сжилась, сроднилась, которые стали частью ее жизни, спасали ее в холодные зимние вечера от одиночества, пришлось продать (кто-то дал хорошую цену) – нужны были деньги на новый дом. Баба Маня мечтала, чтобы ее дочь вернулась – новый дом был нужен именно для этого. Баба Маня потом сильно скупчалась по книгам, жалела, что продала – они были для нее живыми, наделенными душой и чувствами. Нелегко было рушить и старый дом, в котором она родилась и прожила полвека. Казалось, что рушился не дом – рушилась прожитая жизнь.

Сначала шабашники разобрали крышу, сложив черепицу возле стенки старого соседского сарая, сняли стропила и буковые сучковатые измазанные глиной балки перекрытий, побросали их вместе с окнами и дверями на дымивший черной гарью трактор и куда-то увезли. После этого стали разбирать стены. Саман слежался за долгие годы и приобрел прочность камня.

– Пожил – будя, – просипел уже немолодой шабашник, пытаясь поддеть при помощи острого плотницкого топорика намертво вросший в стену дома саман. – Дай теперь другим пожить.

Упорство старого дома злило его...

КОГДА НАСТУПАЕТ ОСЕНЬ

Затоплю я камин, стану пить,
Хорошо бы собаку купить.

И. Бунин

Вот и угас день. Конец октября. Тихо, почти беззвучно падают листья с деревьев. Природа готовится к грядущей зиме. Сиротливо и грустно на душе. Ночь опускается на городскую окраину, темная и густая, словно чернила.

В банной печке потрескивают дрова. Она гудит, выдыхая из себя жар, от ее железных раскаленных боков идут волны живого тепла. Во дворе под фонарем на деревянном самодельном столе стоит старый приметный, с щербинкой на боку, глиняный кувшин с молодым домашним вином. Чтобы захмелеть, его нужно выпить несколько стаканов. Когда заходит кто-то из друзей, мы пьем вино, наливая его из глиняного кувшина, закусываем виноградом, срывая бубочки с лозы, вьющейся над столом. Изабелла не боится мороза, ее розоватые гроздья висят аж до Нового года как подарок для редких зимующих в городе птиц. Расходятся по домам гости, а кувшин так и «ночует» на столе под открытым небом. Утром из окна дома мне видно как он одиноко стоит на столе, засыпанном опавшей листвой. Когда мои дети были маленькими, они любили собирать опавшие листья, букеты из листьев они ставили в баночки вокруг кувшина. Три дочки – три букетика.

Осень – не только время года. Осень – неизбежная пора жизни.

Пора листопада... Беру в руки метлу и сметаю «золото осени» в небольшие кучки, но листья продолжают падать, снова превращая улицу в мягкий вышитый золотом ковер.

Люди суетятся, куда-то спешат, в них еще нет зимней лени. Они запасают на зиму картошку, заклеивают бумагой окна, чинят протекшие от времени крыши стареньких дач, а вечером, устав от дел и забот, пьют на кухне чай, смотрят на отрывной календарь и с грустью замечают, как тонок он стал: всего несколько десятков листочков – все, что осталось от уходящего года. Вот он уже и наступил, последний месяц осени – ноябрь. Скоро наступит долгая и холодная зима – время стариков. Их жизнь замедляет свой бег – можно никуда не спешить, сесть у

окна и долго смотреть на падающий снег, стаю синиц, прилетевших к кормушке, и вспоминать прожитую жизнь.

Сумерки сгущаются, и на город постепенно опускается лунная ночь. По небу бегут черные тучи, время от времени они закрывают луну, и тогда деревья и дома исчезают, и все погружается во мрак.

– Хорошо, если завтра будет дождь, – думаю я, – можно опять растопить в бане печь, погасить свет и долго смотреть на весело прыгающие в темноте по стенам отблески живого огня, на черные причудливые тучи за окном, похожие на горные хребты, на съезжившиеся от холодного дождя деревья стареющего вишневого сада...

На улице сыро и холодно. Еще не все листья опали, порывы ветра срывают их, и они тихо опускаются на землю. Те, которые еще висят на деревьях, словно маленькие разноцветные флажки трепещут на ветру, стряхивая со своей гладкой кожи первые снежинки. Так бывает каждый год перед приходом бабьего лета: после холодного затяжного дождя на рассвете выглянет из-за туч солнце, и замерзшие капли на ветвях заблестят от его ярких лучей. Мир наполнится добром и светом. Станет снова тепло и полетит по небу паутина, цепляясь за провода, деревья и антенны. На душе станет тихо и спокойно, а легкая грусть по ушедшему вдруг наполнит сердце. Люди в такие погожие дни с надеждой смотрят в даль, где небо сливается с землей – не покажется ли там запоздалая журавлиная стая? Так ожидают уехавших на чужбину детей. С журавлиным кликом, с болью в душе уходит от нас прошлое – уходит безвозвратно, навсегда.

А ночью ударит слабый мороз, заметный по пушистому инею на проводах, по белой седине на замерзшей траве. Последние листья покорно упадут на землю, больше не в силах сопротивляться наступающим холодам, что-то шепча напоследок замерзающим садам. Воздух чист и прозрачен, он напоен тонким ароматом опавших листьев. Это запах осени. Странно и несправедливо устроена жизнь – она не дает возможности исправить ошибки, вернуть назад прожитое, и кажется, что это не дождь, а прошлое стучится поздней осенней ночью в темное окно, его тихий голос тонет в шуме дождя.

У осенних улиц, особенно старых, своя жизнь. Трудно понять ее. Днем она не видна – мешает суeta. Ночью все затихает, успокаивается и подчиняется ритму медленно текущей из

прошлого в будущее реки времени. И тогда звезды, дома, деревья, камни булыжной мостовой словно оживают. Это их время. Старые дворы все слышат, чувствуют, и даже разговаривают между собой на языке непонятном нам. Я люблю осенней ночью бродить по улицам старого города. Здесь, в ночном лабиринте старинных зданий, лунных теней и столетних деревьев кажется, что кто-то невидимый крадется за мной по пятам. Вот его длинная тень: руки, ноги, голова, – застыла на кирпичной стене, ожидая только дуновения ветра, чтобы снова ожить. Сквозь порывы ветра я слышу осторожные шаги и голос – кто-то неотступно следует за мной, иногда он начинает говорить что-то тихо-тихо, так, что приходится останавливаться и вслушиваться. Он что-то шепчет мне в спину голосом, похожим на шуршание листвы. Что говорит он? Ветер затихает. Голос тоже. Я больше не слышу его. Останавливаюсь, оглядываюсь назад – никого нет, только мокрые голые деревья отбрасывают тени на сырой асфальт. Мой попутчик невидим, его нельзя потрогать руками, он бесплотен, как эти тени.

Осенние ночи. Мне они всегда казались необычными, волшебными. Тишина плывет волной над уснувшим городом; полная белая луна, как будто очнувшись от долгого сна, освободившись, вырвавшись из плена серых туч, похожих на водную рябь, вдруг осветит гладкую, извилистую дорогу с замерзшими лужицами в колеях, громадину горы, одноэтажные дома с архаичными кирпичными трубами, старые деревья, большие, массивные, уже потерявшие листву и от этого ставшие строгими, беззвучными и непривычно чужими. Лунные тени растворяются в голубоватой дымке, пересекают дорогу, ложатся на землю немислимыми фантастическими узорами и сплетениями, скользят по черепичным крышам, деревянным ставням на окнах, по покосившимся от времени заборам. Все: и воздух, и тихий лунный свет, и дома, и тени деревьев – все пребывает в единении и гармонии. Пахнет дымом. Догорают костры из опавших листьев.

Одинокие деревья и фонари постепенно обволакивает туман. Звезд и луны уже почти не видно. Безлюдно и тихо. Осень. Поздняя осень жизни.

Октябрь 2015 г.

УТРЕННИЕ ЗВЕЗДЫ

Вечерело. Мы сидели с Кузьмичом на берегу водохранилища на брезентовых стульчиках с удочками в руках и ловили рыбу. Занятие это он любил и знал как никто. Оттого и я, человек, далекий от рыбалки, напросился с ним порыбачить с ночевкой...

Но клева почему-то не было. Расстроенный Кузьмич молча смотрел на красно-белый поплавок, который то тонул в слегка зеленоватой воде, то снова выскакивал на поверхность.

– Малёк озорует, – нарушил, наконец, молчание Кузьмич и забросил удочку ближе к камышам. Но малёк и там продолжал потихоньку дергать поплавок.

– Не идет сегодня что-то, – раздосадованно, как бы извиняясь передо мной, сказал Кузьмич. – Может, ночью пойдет или под утро, на зорьке?

Мне стало жалко его.

– Да не огорчайся ты, с голоду не умрем, – я похлопал рукой по моему выдавшему виды рюкзаку, лежавшему рядом. – Тут и тушенка, и колбаса, и сыр. До утра продержимся.

– Это не рыбалка без ухи, – неохотно отозвался Кузьмич.

Немного дальше от того места, где мы сидели, стояло несколько закидушек. Но и они «молчали», лишь иногда лениво позвякивая колокольчиками под редкими порывами ветра. От этого в уже начавших надвигаться сумерках стало казаться, что где-то далеко идет домой стадо коров.

Лето в этом году выдалось холодное, дождливое, весь сезон лило как из ведра, и вот осень как будто решила перед наступающими холодами порадовать теплыми денечками. Небольшая рощица на холме светилась ярко-желтым пятном на фоне все еще зеленого лугового разнотравья. Несколько небольших серых тучек, словно зацепившись за выступ холма, застыли над ним как будто в раздумье, куда им плыть дальше. Солнце уже село, но его серебряные лучи еще отсвечивали на самых краях далеких облаков. В этом было что-то родное, забытое, откуда-то из далекого-далекого детства, когда весь мир казался большим и добрым. Я невольно засмотрелся на внезапно открывшуюся картину, как будто никогда не видел ни этот холм, ни это небо в тучах, ни бесконечную гладь озера, очертания которого уже тоже начинали теряться в наступающей темноте.

Между тем погода начала портиться. Небо затянуло редкими тучами, ветер усилился, стало прохладно. Я воткнул конец удочки в берег, удилице положил на рогатину и пошел к палатке за штормовкой. Палатка стояла неподалеку на случай дождя под большой старой акацией, которую в наших краях за цвет называют белой. Она тоже уже пожелтела и готова была при первом же слабом ночном морозе сбросить листву на землю...

Вернувшись, я застал Кузьмича все в той же неподвижной позе. Он сидел на берегу на своем старомодном стульчике и, подсвечивая фонариком, наблюдал за неподвижно торчавшим из воды поплавком.

– Ну и терпение у тебя, – сказал я, подходя ближе.

– В этом деле без терпения нельзя, – ответил Кузьмич. Немного помолчав, добавил:

– Я вот до войны хотел звезды изучать. Еще в школе решил. Там у нас на школьном чердаке телескоп был. Физик нам звезды показывал – тем, кто на кружок ходил. Чердак, естественно, запирался. Но я нашел туда ход. В школьных мастерских форточка не закрывалась. Так я через нее проникал сначала в мастерские, потом на крышу и через слуховое окно залазил на чердак. Никто об этом не знал, даже друзья. Очень для меня это было важно – на звезды смотреть, особенно под утро, когда еще не рассвело совсем. Утренние звезды – они странные...

Как-то незаметно за беседой наступила ночь, тихая октябрьская южная ночь. Ветер гнал по воде мелкую рябь. Небольшие волны хлюпали о берег, нарушая эту непривычную для городского жителя тишину.

– А почему учиться не пошел? – спросил я после небольшой паузы.

Кузьмич, казалось, не расслышал моего вопроса. Не торопясь, полез в карман, достал блестящий портсигар с «Авророй» на крышке, постучал об него папиросой, чиркнув в темноте спичкой, закурил.

– Знаешь, – сказал он задумчиво. – В жизни кусок хлеба часто не совпадает с мечтой. Это настоящее счастье, если человеку повезет заниматься любимым делом. Хотя нет. Тут, скорее, от характера зависит, а не от везения. Да я и не жалею ни о чем. Свою работу люблю. Шоферский труд, он хоть и нелегкий, но очень нужный людям.

Он встал, чтобы подбросить в гаснущий костер дров. Пламя осветило его широкое лицо: крупный нос, сухие плотно сжатые

волевые губы, голубые, словно выцветшие от времени, глаза. Было в этом лице что-то новое для меня, чего я никогда не замечал в нем раньше, хоть и знал Кузьмича уже не один десяток лет. Почему-то вспомнилось, как прежде Кузьмич катал нас, пацанов, на грузовике с фанерной крышей. Были тогда такие – полуторки назывались. Мы ехали в кузове, жевали разломленную на всех буханку серого хлеба и были счастливы просто от того, что на Баженовой балке расцвели полевые тюльпаны и свежий весенний ветер приветливо дует в лицо.

– Ты, вот, спросил, почему я учиться не пошел? – вернулся к начатому разговору Кузьмич. – А не пошел потому, что здоровье у меня после ранения ухудшилось.

– Ты что на фронте был? – удивленно спросил я.

– Да нет. До фронта не дорос. Мне в сорок третьем, когда немцев из города выбили, 15 было. Вон там, – он встал и показал рукой вдаль, где уже сверкали редкие зарницы, предвестники дождя, – был аэродром. Потом его перенесли на другое место, а здесь пустырь образовался. Немцев прогнали зимой сорок третьего. Время голодное было. Нас у матери четверо, я старший. Отец как ушел в сорок первом, так ни одного письма и не написал. Потом пришло извещение, что пропал без вести. Я, как немца выбили, устроился на работу в депо, а по ночам бомбы разряжал.

– Бомбы? – переспросил я. – Какие бомбы?

– Немецкие, какие же еще, – пояснил Кузьмич. – Этого добра у нас тут навалом было. Немцы драпали и не успели склад свой взорвать возле Кумы. Я уже не помню, кто с нашей улицы это придумал – из авиабомб мешочки шелковые с порохом доставать. Дело было хоть и опасное, но прибыльное. На рынке за эти шелковые мешочки могли дать молока, яиц, хлеба. Вот и ходил народ бомбы разряжать, доставали мешочки и на рынке на продукты меняли. Нас, малолеток, к бомбам не подпускали – так мы ночью ходили втайне от всех. Как-то в очередной раз сидели в складе. Каждый свою бомбу разряжал. Работали, как обычно, всю ночь. Часов около пяти утра я вылез наверх. Мне на работу нужно было идти. Хотел домой забежать – поспать пару часов перед сменой. отошел от склада недалеко. Вокруг темно еще, только-только рассветало. Весна, цветами в поле пахнет... А дальше все как в тумане. Помню сильный взрыв, удар в голову.

Очнулся в больнице. Там и узнал, что в складе взорвалась бомба и все мои друзья-товарищи погибли. На том месте воронка с тех пор осталась. Огромная такая, как кратер. Я хожу туда иногда. Мусором ее всю засыпали: банки, бутылки, старые скаты, – а я туда как на кладбище хожу. Посижу, о жизни подумаю... Эта воронка как памятник нашей юности.

Кузьмич замолчал. Было видно, как тяжело ему все это вспоминать.

– Да. Они погибли, а я, стало быть, живу. Я в нашей компании самый старший был. Девочка с нами туда еще ходила. Надя ее звали. Красивая такая. На нашей улице жила. Погибла она вместе с ребятами. Вот ты – человек образованный, много книг прочел, с людьми разными встречался, – обратился он ко мне. – Ответь, почему так бывает? Ничего плохого человек не сделал, жил честно, от трудностей не бегал, а совесть гложет его, словно он предал кого-то.

Вопрос Кузьмича застал меня врасплох. Я не знал, что ему ответить. Сидели молча. В ночной осенней траве, набегая временами мягкими холодными волнами, гулял тихий степной ветер.

– Зима скоро, – сказал Кузьмич, затягиваясь папиросой. – Я не люблю зиму, непутевая она у нас, с дождями, ветрами, грязью. Лето – другое дело. Летом жить веселее. Сын пишет, скоро приедет в гости. Тридцать ему скоро, а все никак не женится. Успею еще, говорит, хомут на шею надеть. У ровесников внуки уже в школу пошли, – продолжал он, – а мы одни с женой в пустом доме. Для чего живем, и сами не знаем. Сядем вечером ужинать и смотрим друг на друга – сказать нечего, все без слов ясно. Нужно, чтобы в доме детские голоса звучали.

– Тебе лет-то сколько? – перевел он разговор на меня.

– Двадцать шесть.

– Жениться давно пора, – сказал он, глядя на пляшущие языки разгоревшегося от ветра костра, – пока окончательно не разбаловался. Еще немного и все, уйдет время, потом не воротить... Только девушку бери из простой семьи, хозяйственную и добрую, такую, чтоб из нее мать хорошая вышла. Это главное. За такой и ты не пропадешь. За красотой и умом не гонись – у них, у женщин, свой ум. Тут природа...

Кузьмич, казалось, забыл, о чем мы беседовали. Он по-прежнему сидел на брезентовом рыбацком стульчике и, подняв

голову, задумчиво смотрел на темное, с редкими тучами, звездное небо. Смотрел пристально, изучающе.

– А с рыбалкой у нас все-таки получится, – неожиданно весело сказал он. – Видишь, месяц в первой четверти. К утру рыба пойдет.

Я поднял голову вверх и увидел в ночном небе тонкую, словно отрезанную, дольку выглянувшего из-за тучи месяца. Крупные осенние ночные созвездия молча смотрели на нас с высоты. Они как будто приблизились к земле, растянулись во всю ширь звездного неба от горизонта до горизонта... Ветер поменял направление. Откуда-то сверху на землю стал опускаться туман. Его серые клочья висели над вершиной холма. У воды туман был плотнее и гуще. Тихо шуршал под порывами ветра прибрежный камыш. Пахло степью.

Кузьмич встал:

– Пойду за сушняком в лесополосу схожу, а то уху утром варить будет не на чем.

Он ушел в ночную осеннюю темноту, цепляя траву полами длинного брезентового плаща. Сквозь пелену серого тумана еще некоторое время был заметен луч его карманного фонарика, но вскоре и он потерялся во мраке осенней ночи. С озера потянуло сыростью.

Костер совсем потух, и лишь редкие угольки еще тлели в нем, призрачно мигая, переливаясь, словно гора самоцветов, разными огнями и оттенками, но постепенно и они угасли, как гаснут утренние звезды.

1983 г.

Часть II

**И ДЫШАТ ПОЧВА
И СУДЬБА**

ПУСТЬ ЖИЗНЬ МОЮ ВЕТЕР ЛИСТАЕТ...

Очерк о жизни и творчестве Р.Н. Котовской

(1951–2007 гг.)

Время, словно скульптор, высекающий статую из камня, удаляет все лишнее, оставляя только истинное, дотоле сокрытое от человеческих глаз. Потребовались годы, чтобы понять и оценить творческое наследие, которое оставила нам минераловодская поэтесса Раиса Котовская. Настоящие стихи – это летопись эпохи, по ним потомки будут судить о том, чем мы жили и была ли у нас душа. Стихи Раисы Котовской прошли проверку временем, они не потускнели, не устарели – спустя десятилетия, они заиграли новыми красками, в них

открылись горизонты, до этого сокрытые. В этом и есть тайна настоящей поэзии.

Вчитываясь в строчки ее стихов, видишь и чувствуешь, что они написаны сердцем.

Пусть жизнь мою ветер листает
С начала, а после с конца!
Работа, любовь...

Облетают

Цветы у родного крыльца.

Эти талантливые строки – как будто сжатая история всей ее жизни.

В далекие 70-е, когда Котовская начинала свой путь в литературе, оценить ее дар по достоинству не смогли, хотя даже в первых, полудетских своих стихах, она проявила всю силу своего таланта. Это отмечали известные литераторы того времени, такие как А. Михайлов, Н. Сидоренко. Р. Котовская создала в поэзии свой мир, в котором жили ее герои, цвели сады, встава-

ло солнце, колосились поля, убегала до горизонта южная степь широкая, раздольная с ковылями, васильками и расцветающими весной на склонах балок тюльпанами. Дороже, чем эта степь, река и небо, у нее ничего не было. Она делилась всем этим с нами, отдавая все сокровища своей широкой, как поле, русской души.

Степь. Знакомые сердцу могилы.
Вся еще золотая стерня.
Память детства и родины милой
Незаметно обнимет меня.

Кто-то не понимал этой ее щедрости, не замечая сказочного мира ее поэзии, и равнодушно проходил мимо. Кто-то ждал ее стихов, и каждая встреча с творчеством Котовской была для него радостью прикосновения к прекрасному.

Котовская Раиса Николаевна родилась 6 января 1951 года в городе Бельцы Молдавской ССР. В 1952 году ее семья переехала жить в город Минеральные Воды, этот город она до конца дней любила и считала своей родиной. В семье было пятеро детей: сестры – Вера, Надежда, Любовь, Рая и брат Владимир, который впоследствии стал офицером и служил на Балтийском флоте. Детство было трудным, многодетная семья жила скромно, считая каждую копейку. В 1958 году семилетняя Рая пошла в первый класс в новую красивую, с белыми колоннами на входе, школу № 27 (сейчас это лицей № 3). После окончания 8-го класса учебу пришлось на время оставить – семья нуждалась в деньгах. Раиса пошла работать на стройку, выбор был очевиден – туда брали всех, даже без специальности, да и заработки у строителей были повыше. Тогда же поступила в школу рабочей молодежи. За несколько лет она сменила не одну профессию, увидела жизнь не с парадного входа, а изнутри, набралась жизненного опыта, который, переплавившись в душе, вылился в строчки лирических стихов. Первому сборнику своих стихотворений она дала название «Станция формирования», отдавая дань тому времени, когда работала проводницей. Окончив в 1969 году вечернюю школу, или, как ее тогда называли, школу рабочей молодежи, Раиса успешно сдала экзамены и поступила на заочное отделение филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института, где проучи-

лась до 1974 года. Работала и проводницей, и чертежницей, и сапожником, и санитаркой в больнице – всякое повидала. Она и сама тогда, наверное, не понимала, что она ищет себя – впитывает, как губка, жизненные ощущения. Прямой беспокойный характер мешал ровному и размеренному течению жизни, но Котовская не могла по-другому, очень тонко чувствуя несправедливость, любые ее проявления и оттенки, как по отношению к себе, так и по отношению к другим. Может, именно поэтому не ладилась личная жизнь, за творческими удачами наступали периоды разочарований и неудовлетворенности собой, жизнью. Слишком высоко была поднята планка, слишком требовательна она была к себе и близким. Она трижды была замужем. Последний муж – Н.П. Ляшенко был ставропольским писателем, прозаиком, автором книг «Здесь их судьба», «Камерный концерт», «Приснилась первая любовь», «Русское солнце». Вместе они выпустили книгу «Судьба», посвященную писателю А.П. Бибику.

Раиса входила во взрослую жизнь, полная надежд на женское счастье и благосклонность судьбы. Она ощущала в себе талант и хотела, чтобы музыка, которая жила в ее душе, была услышана всеми.

1964 год – опубликовано первое стихотворение в газете «Коммунист».

В 1967 году писатель Игорь Романов, работавший в альманахе «Ставрополье», публикует несколько ее стихотворений.

В 1968 году вышел сборник молодых поэтов Ставрополя с 18 стихотворениями Раисы Котовской. Это был прорыв. О ней всерьез заговорили в профессиональных кругах ставропольских литераторов.

Главное, что подкупает в ее стихах – это душа, открытая душа поэта, обращенная к читателю, словно одиноко стоящий дом в поле с распахнутыми навстречу степным ветрам окнами. Можно сказать, что поэзия Раисы Котовской исконно русская. Это не лубок, не частушка, не копирование фольклора. Стихи ее глубоки, может быть, даже глубже стихов известных поэтесс, ее столичных современниц, которые блистали благодаря своей академичности, мастерству и часто забывали о душе. Стихи Котовской другие – они живые, с подробностями быта, переживаниями. Именно в правде факта главная ценность ее стихов. Каждое стихотворение – это маленькая история. Вот пришел фотограф в дом, казалось бы – рядовое явление, спросил бес-

церемонно: «Нет ли у вас покойников или невест?» Вроде бы ничего страшного, вопрос как вопрос. Но Котовская увидела за этим незначительным событием социальное явление – появление в обществе людей, которым хочется погреть руки на чужом горе. Она выводит портрет фотографа, и становится ясно, что этот человек – бездушный мерзавец, которому все равно, кого «грабить», живого или покойника, он везде и всегда ищет свои деньги, у него и туфли «проворные, как тараканы». Другое стихотворение и другая история: отец возвращается из поездки и привозит детям гостинцы. Дети радуются, для них конфеты – праздник. Да, мы так жили. Мало в те далекие 60-е годы наше поколение ело конфет – хлеб белый не каждый день видели, в очередях за обыкновенными булочками стояли. Когда читаешь строчки этого стихотворения, сжимается от боли душа.

В стихах Р. Котовской есть то, что присуще всем русским людям – искренность и бесконечная любовь к родным местам и отчизне. Русский человек не может жить без родины. Она много пишет, учится работать со словом, чувствовать строку, ритм, рифму, печатается в газетах, периодических изданиях. В 1975 году она поступает в Литературный институт имени Горького, успешно пройдя творческий конкурс. Этот институт был популярен не меньше, чем ВГИК, МГИМО или МГУ, учиться в нем было престижно и почетно. Котовская с головой ушла в учебу. Сбывалась ее мечта – стать профессиональным писателем.

К слову, русскому слову, тянуло ее всегда. В статье «Слово друг – слово враг» Котовская пишет: «Пришло время говорить об ответственности за сказанное слово перед Богом. Что же делает наши слова «мертвыми», а нас повинными в грехе празднословия? Это утрата высшей идеи жизни, одухотворяющей слово». Она приводит слова Ф.М. Достоевского, который так формулирует высшую идею жизни: «Основная и самая высшая идея человеческого бытия – необходимость и неизбежность убеждения в бессмертии человеческой души». В этой же статье, говоря об ответственности настоящего писателя за слово, она цитирует Иоанна Кронштадского: «Нынче люди поставили огромного идола и велят всем ему кланяться. Этот идол есть отрицательная литература». «В XX веке, – развивает эту мысль Р. Котовская, – вслед за упадком православной духовности произошла окончательная девальвация слова». Котовская не случайно приводит высказывание Иоанна Кронштадского в своей статье. Душа и слово – их единство и связь волнуют ее. Она ста-

ралась жить в ладах с совестью и с Богом в душе, чувствуя в себе призвание писать, именно этой дорогой она хотела идти по жизни. Не за куском хлеба тянулась, не за престижем и конъюнктурой – за правдой, за возможностью рассказать людям о той жизни, которую видела она, о том мире, который жил в ее возвышенной, устремленной в небо душе.

Ее стихи перекликаются с русским фольклором: «Речка-реченька», – уменьшительно называет она Куму.

Молча вслушаюсь в крик петушиный
Или вчувствуюсь в крик соловья –
Всюду пахнет дождем и крушиной.
И волнуется память моя.

Многие стихи Р. Котовской воспринимаются как народные. Она чутко улавливает пульс родной земли, чувствует ее жизненную силу, обожествляет природу, любя до последней травинки весь этот мир.

Рябина красная,
                    златолистянная,
Зачем в пустом лесу
                    одна горюшь?
Что под ветрами ты
                    теперь, как пьяная,
Все сокровенное
                    мне говоришь?
Слепы, глухи давно
                    леса стоят стеной,
Зимой напугана,
                    слегла трава...
Не спи, рябинушка,
                    поговори со мной,
Пока горюшь еще,
                    пока жива.

Природа для нее – храм, где нет мертвого и живого. Все живое – и река, и лес, и рябина на лесной опушке, и облако, и дождь.

Руководители семинара молодых писателей, в котором Котовская приняла участие во время учебы в Литературном институте, учитывая самобытность и мастерство молодого автора,

ходатайствовали перед московским издательством о выпуске ее стихотворений отдельной книгой. Ждать выхода книги пришлось два года.

В 1979 году в Ставропольском книжном издательстве вышла книжечка стихов «Отчий дом». В этом же году в московском издательстве «Современник» выходит еще одна ее книга «Станция формирования».

В 1982 году выходит сборник стихотворений Р. Котовской «Ночной дождь». Известный критик А. Михайлов, возглавлявший в то время отдел поэзии журнала «Юность», писал в предисловии к книге: «Чем привлекают стихи Котовской? Прежде всего, правдой пережитого».

В том же 1982 году Р. Котовская переезжает жить в Ставрополь, где ей, молодой поэтессе, доверяют должность ответственного секретаря альманаха «Ставрополье».

1983 год знаковый в судьбе Котовской – ее принимают в Союз писателей СССР. Впереди годы плодотворного труда, поездки по родному краю, встречи с читателями и много-много новых стихов, где самое главное место отведено, конечно, любви.

В конце 90-х годов в жизни Котовской наступил период, который можно назвать поворотным в ее творчестве. Поиски счастья, справедливости, истинного неразменного слова привели ее к Богу. Эта тема проследживается теперь во всех ее стихах, очерках, выступлениях. В 2001 году она выпускает книгу «Россия граничит с небом».

У Раисы Котовской не так много книг: «Станция формирования», «Уроки пения», «Переменная облачность», «Ночной дождь», «Снеговица», «Судьба» и др. В книге «Судьба» Котовская выступает как философ и публицист. В статье «За что боролись» она обозначает два истока русской души – христианство и государственность, заставляя читателей по-новому взглянуть на роман А.П. Библика «К широкой дороге».

«Автор книги «К широкой дороге» настойчиво, последовательно и сознательно показывает нам как Россия восстала, подстрекаемая иноверцами, против своего Бога, – пишет Р. Котовская. – «Пламенные революционеры» были прежде всего богоборцами: все они любовно называют друг друга «чертушками» и определяют принадлежность людей к «своим» или «чужим» только по тому, есть в их домах иконы или нет».

Тема казачества не могла не найти отражения в творчестве поэтессы – выросла она в казачьей стороне с укладом и обычаями, передававшимися из поколения в поколение.

Я здесь себе построила жильё,
Сюда я с полдороги возвращалась.
Здесь детство неразумное мое
Когда-то, как ребенок, потерялось.

Хожу, ищу по ближним хуторам,
Зову его – ни отклика, ни плача.
И только песни слышу по дворам.
И новые, и старые — казачьи.

Тема любви тесно переплетена в творчестве поэтессы с темой поэзии.

Птичьим гомоном даль говорила,
Таял лед и помалкивал сад.
Я какую-то дверь отворила
И уже не вернулась назад.

Безусловно, речь здесь идет о любви. Но так получилось в судьбе Раисы Котовской, что она однажды отворила дверь в еще один мир – поэзии и уже не вернулась оттуда, до последнего дня оставаясь тем, кем создал ее Господь – поэтессой. У нее был редкий талант – идти от конкретного факта и через него выходить на бескрайние просторы человеческой души. Что такое любовь? Это тот вопрос, который она задавала сама себе, порой долго, мучительно ища ответ и не находя его.

В начале 80-х она пишет:

Пора погодить, оглядеться,
Где солнце, где лес голубой...
Любовь пробралась в мое сердце
Еще до знакомства с тобой.

Эти нежные строки о любви трогают за душу своей девчоночьей искренностью. Жизнь в ожидании, в предчувствии любви – это рассвет жизни, самое ее начало, источник...

Ее светлый талант продолжает дарить радость. Раиса делила свою любовь на две равные части – любовь к людям и любовь к поэзии, к слову.

Не говори, что я сурова,
Что ожидаю я другого...
Не жду я нынче ничего
Помимо маленького слова,
Но в целом свете — одного.

В 2004 году за вышедшую в Москве книгу стихов «Судный день» ей была присуждена Губернаторская премия. Книга стала событием в литературной жизни края. В ней поэтесса как бы подводила итог своей творческой деятельности, прощалась со своим читателем.

Последний год жизни Котовская работала учителем в г. Минеральные Воды. Характер не позволял ей сидеть сложа руки. Она работала с одаренной творческой молодежью, проводила литературные конкурсы, писала статьи, боролась с бездуховностью, выступала против засилья западных ценностей в нашей культуре. В сборнике «Снеговица» в одном из стихотворений она писала, метко подмечая всю двусмысленность нашего времени:

Метя в души глумливым словцом,
Пораженья равняя с победами,
Натравили детей на отцов,
И отцов перессорили с дедами.

Тонко подмечено. В этих поэтических строчках заключена глубокая мысль – мы не случайно выбрали «новый путь». Нас по этому пути сознательно направили, выдав черное за белое, поменяв местами добро и зло, воспользовавшись русской доверчивостью, искажая, а порой и откровенно фальсифицируя нашу историю. Как еще разобщить народ, поссорить поколения, разрушить связь между людьми, сделать их слабыми – только натравив детей на отцов, вбив между ними клин, который потом расколется и страну.

В 2007 году Раисы Николаевны Котовской не стало. Ей было всего 56 лет. Похоронена она в г. Минеральные Воды. В память о поэтессе, нашей землячке, Минераловодской городской думой было принято решение назвать городскую библиотеку ее именем.

Мне посчастливилось встречаться с Р. Котовской – это были встречи в кругу друзей в начале 80-х. Наша маленькая поэтическая группка: Николай Бондаренко, Павел Косяков, Виталий Жандаров, – тесный круг единомышленников, людей, влюбленных в поэзию. Я помню встречу в квартире Николая Бондаренко. В большой комнате с уходящими под потолок книжными полками было накурено и многолюдно, обсуждали последние поэтические новости. Окуджава, Вознесенский, Ахмадулина

— слышались фамилии знаменитых поэтов. Кто-то декламировал свои стихи. Раиса больше молчала, внимательно слушала, пытаясь в этом гвалте уловить логическую нить, курила, держа сигарету в тонких красивых пальцах, иногда вступала в разговор, вставляя точные и меткие слова, улыбалась шуткам. Черное строгое платье, как будто из шестидесятых, было ей к лицу. Мне казалось, что сейчас заиграет музыка, и она начнет танцевать твист. Потом она размышляла о том, зачем человек пишет стихи, говорила очень тихо, взвешивая каждое слово, замолчав, задумчиво посмотрела в темное, с каплями дождя, осеннее окно. Такой Раиса и запомнилась мне.

В городской библиотеке г. Минеральные Воды книги Раисы Котовской на самом почетном месте, они всегда востребованы читателями.

В одном из своих последних стихотворений «Эпитафия» поэтесса подводит итог своей жизни. Это стихотворение-исповедь.

Я уже спокойна и свободна
От всего с названьем «се ля ви»,
От ревнивой дружбы подколодной,
От земной припадочной любви...

И, своя для нищих и убогих,
Об одном лишь думаю пути,
Лишь бы не загинуть по дороге!
Лишь бы крест до места донести!

В этих строчках стихотворения, написанных кровью сердца, заключен главный смысл ее жизни, философская концепция существования на земле — несение креста к своей Голгофе. Она несла по жизни свой крест поэта со всеми присущими этому высокому званию жизненными бедами и напастями: неустроенностью, непониманием, духовным сиротством. В этом пронзительном по своему звучанию и боли стихотворении, подкупающем своей простотой и искренностью, она уже ничего не просит для себя у Бога, ничего не хочет от жизни. С грустью и нежностью поэтесса прощается с дорогой земною и навсегда уходит по дороге другой, небесной — бесконечной и вечной дороге к Богу.

2016 г.

ЛАБИРИНТЫ СУДЬБЫ

Очерк о жизни и творчестве писателя А.П. Бибика

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.

О. Мандельштам

Писатель-революционер А.П. Бибик (1877–1976 гг.) – фигура неоднозначная и во многом даже загадочная. Политическая конъюнктура, социальные потрясения, неординарность личности – все легло слоями на биографию писателя. Теперь уже трудно сказать, кем же был А.П. Бибик – меньшевиком, «перековавшимся» в сталинских лагерях в убежденного большевика-ленинца, каким его пытались представить читателю журналисты 60–70-х годов, выполнявшие политический заказ и поэтому не «копавшие» слишком глубоко, или все же униженным, посрамленным, но не сломленным ссылками и лаге-

рями социал-демократом, одним из тех немногих, кто не хотел жить по шаблону и строить «коммунистический рай» на «косяках». Много талантливых писателей, что называется, не вписались в структуру советской действительности и вынуждены были или эмигрировать как И. Бунин, Б. Зайцев и другие или, влача жалкое существование, каждый день ожидать ночного стука в дверь как А. Тарковский, М. Булгаков, А. Платонов.

«Мы живем, под собою не чуя страны», – так О. Мандельштам – поэт, творивший в первой трети XX века, выразил свое отношение к тому страшному времени. Всего одна строчка, а сколько глубины, сколько трагизма в ней. Этой строчкой О. Мандельштам подписал себе смертный приговор. Ю. Олеша его поступок назвал безумством. Их было много – «безумцев», боровшихся за правду своими романами, рассказами и повестями и заплативших за это кто свободой, а кто и жизнью.

А.П. Бибика роднит с этими писателями, несмотря на всю их с ним непохожесть как по стилю, так и по характеру описываемых героев и событий, то, что он, как и они, не смог раскрыться в своем творчестве до конца в стране победившего пролетариата, стал жертвой бесчеловечной машины репрессий. Его спасло от расстрела рабоче-крестьянское происхождение и осторожность в поступках и словах, выработанная за много лет подпольной работы. Ответы на многие вопросы дает единственный дошедший до нас роман А.П. Бибика «К широкой дороге». На многие, но не на все. При чтении романа ловишь себя на мысли, что автор о чем-то важном не говорит. Бибик и его биографы неоднократно говорили и писали, что роман «К широкой дороге» – главное произведение писателя – автобиографический. Это и стало причиной того, что многие стали путать А.Бибика с главным героем его романа – Игнатом Ракитным, забывая, что роман – это прежде всего литературное произведение, где всегда присутствует художественный вымысел. К тому же, роман неоднократно переписывался автором, дополнялся, главные герои меняли имена и фамилии, менялась оценка событий, отношение к персонажам, стоявшим часто на различных политических платформах. Роман сильно политизирован и неизвестно, в уста какого из героев А.Бибик вложил те мысли и убеждения, которые исповедовал сам.

Один из героев романа называет рабочих «пушечным мясом революции». Это скорее высказывание буржуа или интеллигента, нежели революционера. Считал ли так сам Бибик или только выразил одно из мнений? Это весьма яркое и образное сравнение могло стоить автору жизни, если бы он подобную крамолу высказал после октября 1917 года. Спасло то, что это художественное произведение было издано раньше.

Т. Батурина – исследователь творчества писателя описывает в книге «Пока дышу» эпизод встречи А.П. Бибика с М. Горьким. Эта встреча была примечательна тем, что Горького интересовала прежде всего политическая направленность произведения, именно поэтому он спрашивает у автора, зачем он (автор) «убил» большевика – одного из главных героев романа.

Бибик, все взвесив и учтя замечание, переписал роман. Он изменил сюжет и убрал самоубийство большевика. В той же книге Т. Батурина пишет без ссылок на источники, что Бибику и в советское время приходилось испытывать давление весьма

настойчивых «консультантов», которые ему советовали, как трактовать то или иное историческое событие, ту или иную личность. Подобному давлению подвергался не только Бибик, но и многие другие писатели. Это была политическая цензура, которая регулировала «правильное» понимание истории. Далеко не все писатели смогли выстоять. Многие меняли сюжеты и делали своих героев пламенными борцами за народное дело, искажая таким образом историческую правду. В какой части это относится к А.П. Бибику, сказать трудно. Есть в его произведениях незалакированная правда, есть намеки, полутона. Многие писатели 20-30-х годов прошлого столетия в период разгула культа личности прибегали к форме иносказания, зашифровывая и маскируя свои мысли. Так было безопасней и для писателя, связавшего свою судьбу с противниками Ленина – меньшевиками. В 1906 году А.П. Бибик вместе с руководителями меньшевистского крыла партии: Мартовым, Аксельродом, Даном, Церетели, – был избран делегатом на 4-й объединительный съезд РСДРП. Для начинающего революционера это было большой честью и признанием его заслуг перед партией. На съезде судьба его свела с известными большевиками: Лениным, Держинским, Фрунзе, Луначарским, Сталиным, Красиным, Рыковым и др. С некоторыми из них он общался и дискутировал. В романе «К широкой дороге» есть эпизод, где главный герой романа Игнат Ракитный беседует на пароходе с Луначарским – одним из самых образованных людей большевистской партии. Впоследствии Луначарский написал предисловие к книге А.П. Бибика и порекомендовал его произведения к включению в школьную программу.

После съезда Бибик переходит на нелегальное положение. О его работе в подполье с 1906 по 1911 год сохранились весьма скудные сведения. Известно только, что Бибик много ездил по стране, побывал в Прибалтике, на Кавказе.

Революция и гражданская война отражены в автобиографии Бибика тоже очень скупно. Есть только его небольшая ремарка об этом периоде жизни: «Занимал различные должности». Он не принимал участия непосредственно в сражениях, ограничившись решением хозяйственных вопросов, безусловно, очень важных, если учесть то обстоятельство, что в 1921 году молодую страну Советов сдавила петля голода, и хлеб был нужен так же, как снаряды и патроны.

По рассказам современников писателя, Бибик не любил, когда его спрашивали о жизни заключенных там, за решеткой (с 1938 года по 1946 год он отбывал наказание в лагере), ссылаясь на то, что А.И. Солженицын в повести «Один день Ивана Денисовича» описал довольно подробно жизнь и быт политзаключенных и добавить к этому что-то новое трудно. Да, это отчасти верно. Но только отчасти. Каждая судьба уникальна и этим интересна, особенно судьба человека, обреченного за свои убеждения провести лучшие годы жизни в лагере. Что думал человек, бросивший на алтарь революции молодость, семейное счастье, здоровье и взамен получивший восемь лет заключения? Кого обвинял он в этой несправедливости? Ленина? Сталина? Советский строй? Что пережил он за долгих восемь лет разлуки с близкими, не имея возможности вести переписку, не зная даже, живы ли они? Какую нужно иметь волю, чтобы выдержать это? Осталась фраза, брошенная А.П. Бибику во время одной из встреч с журналистами: «Уж лучше бы меня расстреляли тогда». В этой фразе весь ужас сталинских лагерей, когда жизнь кажется хуже смерти, когда человек думает о расстреле как об избавлении от мук и страданий. К мучениям телесным добавлялись мучения душевные – осознание того, что ты «враг народа». Воспоминаний об этом этапе жизни писателя, к сожалению, не осталось. Бибик, которого жизнь приучила быть предельно осторожным, опасался писать на запретные темы, понимая, что ему, бывшему зэку и меньшевику, этого могут не простить. Вероятнее всего, ему «посоветовали» «не выносить сор из избы», а именно – не писать о том, что он видел в лагере.

Был и счастливый период в жизни писателя с 1927 по 1938 год. Бибик на пике популярности, его печатают, он дружит с известными людьми: режиссером Ю. Завадским, художником М. Сарьяном, писателем В. Закруткиным, принимает участие в организационном первом съезде писателей СССР в 1934 году. Казалось, небосклон чист и безоблачен, а впереди долгая и счастливая жизнь. Но в том же 1934 году состоялся еще один съезд – партийный, на котором партия призвала усилить борьбу с «врагами народа» всех мастей. Убийство Кирова уже после закрытия съезда заставило машину репрессий заработать на повышенных оборотах. В 1937 году состоялся пленум ЦК, на котором Ежов выступил с докладом о троцкистско-зиновьевском заговоре. На этом пленуме фактически была дана команда к началу массовых репрессий, в том числе и среди писателей.

Многие талантливые писатели в 1937–1938 годах, как и Бибик, попали под пресс карательной машины. Были расстреляны Б. Пильняк, О. Мандельштам, И. Бабель, А. Веденский, А. Бухов и др.

Оружие писателя – его перо. Писать о том, в каких условиях за колючей проволокой «перековываются» бывшие меньшевики и эсеры, а также троцкисты и бухаринцы, было бессмысленно. До читателя эти произведения никогда бы не дошли. Созданная еще при Ленине система контроля, которая включала Главлит, просуществовавший до 1991 года, спецотделы при НКВД и военную цензуру, наделенную самыми широкими полномочиями, поставила на конвейер борьбу с инакомыслием. Ничто не могло укрыться от зоркого глаза бдительных органов. Ленин, стоявший у истоков советской цензуры, активно выступал за госмонополию на печатную продукцию, объясняя это обстоятельство тем, что в противном случае у их идеологических противников появляется шанс повернуть колесо истории вспять. Писатели, не желая того, стали бойцами идеологического фронта. А где война, там неизбежны жертвы. И здесь уже не могло быть нейтральных, здесь были только свои и чужие.

Сталин в разговоре о творчестве М. Булгакова заметил: «Хороший писатель, только не наш». Про Андрея Платонова он сказал похоже: «Талантливый писатель, но сволочь». Бибик до определенного времени «числился» в пролетарских писателях и это его спасало. Отец народов, сам в юности баловавшийся стишками, бдительно следил сам за тем, что пишут советские писатели. От этого зависело, что будет в головах советских людей. Главным критерием того, что ты наш, было – писать в строгом соответствии с линией партии. Тех, кто сворачивал с этой линии, считали врагами народа. Союз писателей СССР – детище А.М. Горького, в который А.П. Бибик вступил в 1934 году, в лице своих руководителей, как московских так и региональных, принял самое активное участие в разделении писателей на своих и чужих. Горький незадолго до этого вернулся из эмиграции и не удовлетворенный тем, что не получил Нобелевской премии, засучив рукава, начал формировать мощный административный аппарат творческого союза, назначая на высокие посты верных и преданных делу партии людей.

Бибик как человек наблюдательный не мог не видеть того, что происходит в стране, пережившей гражданскую войну, голод, коллективизацию и теперь попавшую в жернова культа

личности. Последствия правления страной жесткой сталинской рукой были очевидны. Но писать об этом было самоубийством. Спустя много лет, пройдя через лагеря, допросы, пытки, Бибик, конечно, немного лукавил, говоря о том, что после Солженицына не хочет браться за щекотливую тему. Причина была в другом – в страхе, который, как окровавленный топор, висел над огромной страной.

А. Тарковский – известный советский поэт, переживший вместе со страной годы общенационального страха и унижения, написал в стихотворении 1962 года:

И рыбы поднимались по реке,
И небо развернулось пред глазами...
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

Бибик мог получить свой срок или свою пулю раньше 38-го года – еще тогда, в начале 30-х, поменяв имидж пролетарского писателя на имидж писателя-диссидента и очернителя. Но молчать – означало жить, и Бибик прекрасно это понимал. Опасно было не только публиковать произведения, описывающие перегибы переходного периода, но даже держать их в ящике письменного стола под замком. Их могли найти при обыске, и тогда шансов на спасение у автора не было никаких. Минимальным было наказание – 8 или 10 лет лагерей. В 1938 году у Бирика при обыске обнаружили черновик романа «Петро беспартийный». О чем был роман, так и осталось неизвестным. Его изъяли во время обыска в Ростове-на-Дону, автора осудили, а роман, судя по всему, уничтожили. Теперь можно только догадываться о том, что это был за роман.

Наступила хрущевская оттепель. Бибик много знал о жизни по ту сторону колючей проволоки, ему было о чем рассказать, но он понимал – система не разрушена, она законсервирована до поры до времени и не простит, не спустит, в случае чего. Этот молох снова потребует жертв и проглотит тех, кто раскроет себя, обнаружит свое несогласие и неповиновение. Еще живы были лагерные палачи, сидели в теплых кабинетах предатели, писавшие доносы на своих коллег по писательскому цеху. Их никто наказывать не собирался, они были хорошими исполнителями и могли еще пригодиться. Правда, благодаря изменению политической ситуации в стране, со страниц газет уже не призывали ударить пролетарской мозолистой рукой по троцки-

стам, бухаринцам, свернуть шею всем представителям бывшего буржуазного класса. Культ личности был осужден, но репрессивный аппарат остался и ждал новых приказов.

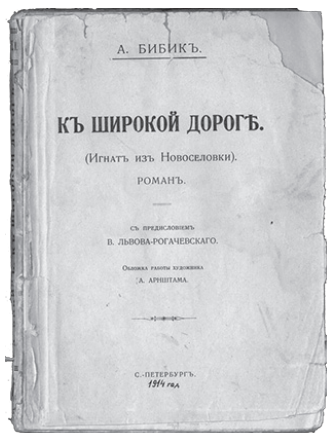
Бибик оказался прав в своем хитром молчании. В 1962 году был жестоко подавлен бунт рабочих Новочеркасска. Восьмидесятипятилетний Бибик молчал, а газетчики бодро рапортовали в своих статьях о том, что пролетарский писатель Бибик неуклонно следует ленинским курсом и убежден в победе коммунизма во всем мире. Бывший узник умел скрывать свои мысли. Лагеря отняли у него молодость и здоровье, но не отняли рассудок и веру в справедливость, за которую он боролся.

До конца жизни Бибик оставался прежде всего революционером, а уже потом писателем, хоть сам говорил, что писательство для него очень важный вид деятельности. Он умел скрывать свои мысли, но иногда, забыв об опасности, все же приоткрывал душу, доверяя строчкам самое сокровенное. В его романе «К широкой дороге» есть сцена разрушения памятника Екатерине Второй. «Однажды на главной улице города, вокруг памятника Екатерине, густая толпа молча наблюдала, как три человека: один в матросской бескозырке и конопатый, двое в солдатских окопного вида шинелях, – забрасывали на голову статуи аркан. По третьему разу — удачно: петля упала на покатые плечи, затянулась на шее». Автор этих строк не на стороне вандалов, ломающих памятник царице. Он осуждает глупых и злобных людей, которыми правит вовсе не революционная идея справедливого преобразования мира, как это было написано у классиков марксизма-ленинизма, а злоба, ненависть, корысть и желание власти. К сожалению, среди представителей победившего пролетариата таких было немало. Далее описывается, как подъехал грузовик с пулеметом и группа вооруженных маузерами молодцов с красными бантами на груди разграбила, разбив витрину, продовольственный магазин. Писатель предельно честен. Это хроника того времени, написанная очевидцем, равнодушным участником событий. «Гнаша, это что? – спрашивает одна из героинь романа. – Неужели большевики?»

Писатель Б. Пильняк в своем рассказе «Тысяча лет», написанном в 1919 году, размышляет о людях, правящих страной. «Дикость, люди дичают, мировое одичание. Вспомни историю всех времен и народов: резня, жульничество, глупость, суеверие, людоедство... Братство, равенство, свобода... Если братство надо вводить прикладом, тогда лучше не надо... Чем человек

ушел от зверя?» В оценке тех событий Бибик и Пильняк сходятся. Они думают о том, куда их ведет новое общество, построенное на насилии. В борьбе благородства и жестокости побеждает жестокость. Судьбы их тоже похожи. Обоих арестовали в 1938 году. Бибику «повезло», его упрятали в лагерь, но не расстреляли как Пильняка. В том памятном году Бибику исполнился 61 год.

Свой первый рассказ Бибик опубликовал в 1901 году во время Вятской ссылки, а писать начал, по его воспоминаниям, не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Прочел рассказы Л. Андреева, произведения Арцыбашева, Ф. Сологуба и понял, что нужно что-то противопоставить упаднической литературе, получившей широкое распространение в начале 20-го века. Может, это было немного самонадеянно, потому что из декадентской среды вышли многие мастера русской литературы и вряд ли самого Бибика можно поставить с ними в один ряд по

вкладу в отечественную литературу. Ценность произведений Бибика в другом: в их непохожести и самобытности. Его произведения росли не на удобренной почве, как у того же Л. Андреева, обласканного судьбой, деньгами и славой, а на голых камнях скитаний, голода, нужды, страданий. Битву с литературной элитой начала века Бибик проиграл. Андреев тоже писал о революции – это была модная тема. Публика того времени хотела знать о революции как можно больше. Знаменитое произведение Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных», написанное в 1908 году, в основе сюжета которого судьба пятерых революционеров-террористов – членов партии социал-революционеров, выданных предателем и повешенных по приговору суда на берегу Финского залива, – это рассказ о революции, но глазами обывателя и мещанина, весьма далекого от стачек, прокламаций и маевков. Рассказ глубокий, трогательный и, безусловно, гениальный. Но Бибик не понял или не захотел понять «другую» правду, где нет героики эсеровских бомбометателей и пламенных борцов за народное счастье, а есть люди, стоящие на границе жизни и смерти, где действуют уже другие законы, они

покорно идут к виселице, кто с раскаяньем, кто с гордыней – люди, у которых есть матери и отцы, для которых, может быть, со смертью их детей закончится жизнь. Бибику как человеку, стремящемуся не понять мир, а преобразовать его, ослепленному юношеской мечтой о справедливости, хотелось доказать этим сытым образованным господам, наблюдающим революцию с террасы загородной дачи или с балкона родового особняка, что из подвала или ремонтной ямы революция видится другому – не как виселица на покрытой грязным снегом одичалой поляне, а как рассвет на реке: яркий, радостный, солнечный и зовущий. Это была его рабочая правда, не такая гладкая и красивая, как у Андреева, но тоже правда. И ему хотелось, чтобы эту правду узнали люди, и он был согласен за свои убеждения пожертвовать свободой и даже жизнью.

Бибик называл многие свои поступки, в том числе и на прище литературы, донкихотством, в частности, написание правдивой повести о передовой коммуне «Новая Бавария». Вскоре за выходом повести в свет последовал арест. Это был не первый срок писателя. Первый случился в далеком 1900 году, когда он был выслан в Вятку царским правительством под гласный надзор полиции за подготовку и участие в первомайской демонстрации. В 1906 году его снова арестовывают, но он бежит из-под стражи. И снова лишения, скитания, подполье, тайная жизнь без семьи под чужой фамилией во имя главного дела жизни — революции.

Двадцатый век начался с революций и социальных потрясений. Бибик еще не знал, что принесет ему этот двадцатый век. Люди не властны над временем. Оно вертит судьбами, словно колючий холодный ветер осенними листьями.

Опальный советский поэт Н. Глазков, чей отец был расстрелян в 1938 году, написал ироничные стихи о современности:

Я на мир взираю из-за столика,
Век двадцатый – век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней.

Эти строчки можно поставить эпиграфом к судьбе Алексея Библика. Он как никто другой в полной мере испытал на себе всю «интересность» и «необычайность» 20-го века. Три войны, три революции, голод, коллективизация и последовавший за ней 38-й год – вот далеко не полный перечень исторических собы-

тий, которые своим огненным дыханием опалили судьбу писателя. Чтобы лучше понять, что двигало им и его друзьями по борьбе – революционерами, нужно окунуться в ту эпоху.

Начало 20-го века. Россия – аграрная страна, но капиталистические отношения врываются в жизнь патриархальной российской глубинки. Растет и крепнет российский пролетариат, поднимаются на борьбу национальные окраины, растет и набирает мощь социал-демократическое движение, вышедшее из народничества. Современной молодежи, которая хорошо знает, что такое интернет, но с трудом представляет себе, что такое революция, трудно понять мировоззрение этого человека, формировавшегося под влиянием идей Маркса, Ленина, Плеханова. Сама атмосфера того времени была пронизана предчувствием скорой бури. Судьба А.П. Бибика, как на стержень, нанизала на себя исторические события, происходившие в стране в начале и середине 20-го века, они оставили на ней глубокие рубцы, как древние ледники оставляли следы на скалах горных ущелий. Многие из этих событий нашли отражение в его произведениях.

Почему Бибик, человек пролетарского происхождения, стал меньшевиком? Исследователи его творчества справедливо полагали, что Бибик пошел в меньшевики за интеллигентными образованными людьми, которых в их рядах было достаточно много. Причина может крыться и в другом: Бибику была близка либеральная идея меньшевиков, заключавшаяся в том, что не пролетариат, а мелкая буржуазия и интеллигенция – движущая сила революции. Ему хотелось сделать революцию меньшей кровью, как предлагали лидеры меньшевиков, – при помощи реформ, компромиссов, выборов. Большевики, в своей основе профессиональные революционеры, отвергали компромиссы с буржуазией и другими представителями класса эксплуататоров и стояли за более жесткие методы, вплоть до вооруженного свержения власти и установления диктатуры пролетариата. «Если пойти по пути, предлагаемому Лениным, то гражданской войны не избежать», – пророчествовал меньшевик Мартов. К сожалению, он оказался прав.

Гражданская война началась после вооруженного захвата власти большевиками. В рядах меньшевиков начала века было много разного народа: студенты, служащие, солдаты, мелкие буржуа, писатели, потянувшиеся к образованию рабочие, среди которых оказался и Бибик. Главным врагом пролетариев Бибик

считал самодержавие, либерально относясь к служащим, лавочникам и интеллигенции. Собственно, он сам за свою жизнь был и рабочим, и служащим, и солдатом. После освобождения из лагеря в 1946-м, когда нечего было есть, снова стал рабочим – ему было нетрудно поменять пилу и топор лесоповала на плотницкий рубанок и долото.

Судьба как будто специально выбрала писателя А.Бибика бродить по своим лабиринтам, то вынося высоко наверх и сажая в чиновничье «сытое» кресло, то бросая в бездну, где правит беззаконие и смерть. Самым «безоблачным» периодом его жизни стало, как это ни странно, начало тридцатых годов – 1932-1933 годы, когда по стране прокатилась волна голода и умерло несколько миллионов человек. Он занимает довольно высокие должности в Ростове-на-Дону, получает гонорары за изданные книги. Семья не голодает, скорее, наоборот, у него появляется дача в Хосте, квартира в центре города, которую он обставил хорошей мебелью и украсил дорогими картинами. Часть картин была конфискована после ареста в 1938 году и передана в Художественный музей города Ростова-на-Дону. С началом Великой Отечественной войны картины вместе с другими музейными экспонатами были эвакуированы в Пятигорск. Во время оккупации Пятигорска 1942–1943 гг. часть картин была вывезена в Германию, часть обнаружена советскими войсками на станции Минеральные Воды в ящиках, готовыми к отправке. Впоследствии картины были возвращены в фонды Художественного музея Ростова-на-Дону. Об этом писала критик Т. Батурина. В статье «Пока дышу!» она называет художников, чьи картины украшали интерьеры комнат писателя Бибики. Наиболее известные из них: Сарьян, Айвазовский, Архипов, Судковский, Васильковский и др.

Неплохо налаженный быт и достаток не изменили убеждений и привязанностей писателя – героями его произведений по-прежнему были простые люди. Страшные картины голода 1932–1933 годов не нашли воплощения в произведениях Бибики. Да и будь они – ни одно издательство и ни один журнал все равно бы их не напечатали. Многие писатели с целью доказать свою преданность и лояльность написали пьесы и рассказы об отце народов, как это сделал, например, М. Булгаков, или о врагах народа, как драматург Стальский – человек, написавший потом донос на Бибику и доживший благополучно до глубокой

старости. Псевдоним Стальский писатель-доноситель взял себе для того, чтобы хоть чем-то походить на своего кумира. Настоящая его фамилия была Малыгин. К тому же, так легче было путать следы, ведь доносы можно было подписывать своим настоящим именем, а произведения псевдонимом. Бибик доносов на товарищей не писал – не захотел марать себя клеветой и предательством, хоть многие такой ценой покупали «прощение» за свои грехи.

М. Горький в начале века довольно метко назвал Бибика пролетарским писателем. И это была не дань моде. Главный герой произведений писателя А.П. Бибика — рабочий человек. Роман «К широкой дороге» в этом смысле перекликался с романом М. Горького «Мать», изданным в 1906 году. Роман «К широкой дороге» написан в 1906–1907 годах, впервые опубликован в 1912, но не полностью. Он выдержал более десяти изданий.

Биографы писателя: Татьяна Батурина, В. Котовсков, Г. Косогор, С. Дуйко и др., – занимаясь исследованием его жизни и творчества, отмечали удивительную жизнестойкость этого человека. В какой же исторической обстановке ковался характер писателя-революционера?

А.П. Бибик был пусть малой, но все же частичкой огромного и многопланового пласта социал-демократического движения России начала 20-го века. Рано почувствовав всю несправедливость царской власти, он, как и многие из тогдашней рабочей молодежи, прибил к марксистскому кружку, постигая в нем азы классовой борьбы, вступил в Российскую социал-демократическую партию, решив посвятить свою жизнь борьбе за свержение самодержавия. В 1903 году на 2-ом съезде РСДРП произошел раскол партии на две фракции: большевиков, возглавляемых Лениным, и меньшевиков, возглавляемых Мартовым. Бибика всегда тянуло к образованным интеллигентным людям. Среди меньшевиков таковых было больше. Это и склонило чашу весов в их сторону. В дальнейшем (после 2-го съезда) меньшевики и большевики шли в революцию разными путями, то объединяя усилия, то воюя между собой. Фактически это были уже две разные партии, но окончательное размежевание было еще впереди. Это произошло в 1917 году, когда меньшевики создали свою партию и взяли курс на борьбу с большевиками. Все это время А.П. Бибик по объективным и субъективным причинам был членом меньшевистского крыла партии, что, в общем-то, во многом и определило его судьбу. Все три его ареста при совет-

ской власти были так или иначе связаны с его меньшевистским прошлым. Оно неотступно шло за ним по пятам, ежедневно напоминая о себе то фотографией на стене, то строчкой из рассказа или повести – и так до самого последнего дня. Меньшевик – это было как несмываемое клеймо, как проклятие. Власть не верила ему. Его не приглашали на встречи в школы, на праздники – работал негласный запрет. А вдруг кто спросит: «За что сидели три раза, уважаемый писатель? В общей сложности почти двадцать отмотали. Ни за что?» И получится как в старом анекдоте:

– Сколько дали? – спрашивает один зэк у другого.

– Пятнадцать.

– За что?

– А ни за что.

– Врешь, брат. Ни за что у нас десятку дают.

В очерке «Незабываемая встреча» Бибик пишет о своем знакомстве с Верой Николаевной Фигнер: «Декабристы, Чернышевский, Желябов, Халтурин, Перовская, Фигнер – в самих именах звучало, казалось, нечто особенное, высоко звенящее над буднями тысяч и миллионов». Странно звучит из уст пусть начинающего, но писателя с гуманистическими убеждениями, восхищение революционерами-террористами: Желябовым, Перовской, Халтуриным и Фигнер, – все они за исключением Фигнер, которой смертную казнь заменили 20-летней ссылкой, были повешены за убийство императора Александра II. Казнь состоялась на плацу Семеновского полка. Эти восторженность и восхищение говорят прежде всего о том, что Бибик в период своей первой ссылки еще не выработал четкой политической платформы, он все еще в исканиях, сомнениях, подвержен импульсам, эмоциональным всплескам, что характерно для творческих личностей. В романе Бибика «К широкой дороге» есть эпизод встречи главного героя с Верой Фигнер, впоследствии ставшей членом партии эсеров, видимо, из-за ее приверженности к террористическим методам ведения политической борьбы.

После Октябрьской революции Бибик не прерывает своей связи с меньшевиками и занимает в этой партии довольно высокий пост в г. Ростове-на-Дону. Численность партии меньшевиков там составляла 8000 человек – третье место в России после Москвы и Санкт-Петербурга. К 1918 году стало ясно, что договориться меньшевикам и большевикам не получится. Ленин хотел прекратить войну с немцами, а меньшевики, среди которых было много оборонцев, требовали продолжения войны до

победного конца. К числу оборонцев относил себя и А.П. Бибик, который в 1917-ом году добровольцем идет на фронт. Никаких подробностей о своем участии в империалистической войне в его записях и автобиографии не сохранилось. Вероятнее всего, Бибик впоследствии пересмотрел свои политические взгляды и старался этот эпизод своей биографии не афишировать.

Взяв власть в свои руки и видя, что с меньшевиками им уже не по пути, большевики во главе с Лениным взяли курс на непримиримую борьбу со своими политическими противниками. Первая волна репрессий прокатилась в 1918-ом году после убийства Урицкого, Володарского и покушения на Ленина Фаины Каплан — террористки, поддерживавшей контакты с эсерами и меньшевиками. Следы убийств вели к политическим конкурентам.

На Кавказе меньшевики открыто призывали к свержению большевистского режима. Меньшевики и эсеры поддержали атамана Краснова. Часть меньшевиков, в том числе оборонцев, к коим принадлежал и А.П. Бибик, поддержала большевиков.

Первая попытка новых властей свести счеты с меньшевиком Бибином была предпринята еще в 1920 году. Он был арестован ЧК и посажен в тюрьму. Через какое-то время его вызвали на допрос. Дзержинский, узнав бывшего товарища по партии, приказал без промедления выпустить его на свободу в счет былых революционных заслуг. Это был, безусловно, благородный поступок со стороны председателя ВЧК. Бибик писал в своей автобиографии, что он был отпущен за то, что оказал в 1918 году содействие большевикам в спасении сотен членов партии от немецких войск, свирепствовавших в то время в Ростове-на-Дону, где Бибик работал в комендатуре. Возможна и другая причина. Дзержинский отбывал каторгу в Вятской губернии, только на пару лет раньше Бибика. Они бы там непременно встретились, но в 1899 году Дзержинский бежал. И третья возможная причина: Дзержинский наверняка запомнил Бибика как делегата 4-го объединительного съезда РСДРП. Не важно почему, но в этот раз карающий меч революции пощадил Бибика и был отведен рукой самого председателя ВЧК. Смерть прошла рядом.

В 1924 году Бибик был снова арестован, возможно, за то, что не предпринимал «попыток раскаянья» в своем меньшевистском прошлом, не клеймил, как другие, своих бывших соратников, не писал на них доносов. После ареста его высылают в

Свердловск. Дзержинский уже не помог. В Свердловске Бибику предоставляют возможность работать в издательстве «Урал-книга». Этот период жизни писателя насыщен большим количеством очерков (около сорока), рассказами: «Жесткая учеба», «Женщины», «К морю». Здесь же он знакомится со знаменитым уральским писателем П. Бажовым. Это было время роста мастерства и профессионализма. Ему пришлось работать в журнале и редактором, и корректором, в качестве журналиста сотрудничать с газетами.

В 1927 году Бибик уезжает из Свердловска и возвращается в Ростов-на-Дону. Ссылка закончена. Его берут на работу начальником технического отдела крупного завода «Аксай». Появляется возможность свободно писать. До революции Бибика печатали мало, несмотря на это в кругах революционеров его авторитет как писателя был очень высоким.

В город Минеральные Воды А.П. Бибик, к тому времени уже известный писатель, переехал в 1955 году, когда ему было почти 80 лет. Здесь на улице Пролетарской он построил дом с мансардой, смастерил своими руками нехитрую мебель: стол, два кресла, шкафчик, тумбочки – и стал работать, дописывать то, что не дописалось прежде. Главные его произведения, конечно, уже были написаны: роман «К широкой дороге», повести «Златогорный тур», «Климчук», «Повесть о станке», рассказы «Первый Первомай», «Во чреве кита», «Живые часы», многочисленные очерки.

Он прожил долгую интересную, но очень трудную жизнь. Сын харьковского токаря и мойщицы в 14 лет поступил учеником токаря в паровозные мастерские. С тех пор тема простого человека прочно вошла в сознание юноши. Он много читает. Любимые писатели Некрасов и Шевченко – писатели, воспевавшие свободу и осуждавшие угнетение человека человеком.

На заре юности Бибик выбрал для себя трудный путь профессионального революционера, целью своей жизни поставив борьбу за права угнетенных бедных людей, изнывавших от произвола и деспотизма царя и его прихлебателей-чиновников.

После пятилетних мытарств по тюрьмам он снова вернулся в Харьков. Россия была накануне революции 1905 года. С 1905 по 1911 год Бибик находился на нелегальном положении. Незадолго до февральской революции он идет на фронт – защищать родину от интервентов. «Во время первой мировой, – пишет он

в автобиографии, – был оборонцем. Исповедуя интернационализм, считал и считаю законной защиту Родины от поработителей даже при царизме».

Нелегко сложилась судьба писателя и после революции. Через год после уральской ссылки в 1928–1930 годах в издательстве «Недра» вышло шеститомное собрание сочинений Бибика – все, что он написал. В этот шеститомник вошла и повесть «Катрусина вышка» – крупное произведение о гражданской войне. Бибик переезжает на жительство в город Ростов-на-Дону. С 1932 года Бибик занят исключительно литературным трудом. Он ездит по предприятиям, общается с людьми и видит, как страна поднимается из разрухи. Заканчивалась всеобщая коллективизация. Бибик писал об этом так: «В 1932 году, побывав на полях «Гиганта» (видимо, это колхоз-передовик того времени), я еще раз забил тревогу: писал статьи, доклады, письма Наркомзему и Ростовскому крайкому. Беда шла своей чередой, а письма, спустя 6 лет, горько заставили меня вспомнить о великом чудаке – Дон Кихоте». В 1934 году Бибик во время встречи с Л.М. Кагановичем в Кисловодске просит последнего похлопотать о принятии в партию. Каганович обещает похлопотать, но слова не держит, видимо вспомнив, кем был просящий до революции и ссылку на Урал.

Бибик много работает и в 1936 году публикует не совсем обычную для себя повесть «Златорогий тур», где интересно излагает одну из сванских легенд, описывая красоту Кавказских гор. Кое-кто из критиков назвал эту повесть поэмой в прозе. Возможно, Бибик все еще находился под влиянием сказочной прозы Бажова, с которым познакомился на Урале, и эта повесть явилась логическим продолжением той дружбы. «Безмолвием полно глубокое, скупо открытое глазу ущелье: им зачарованные, остановились на полдороге к узкой долине пихты и сосны, оно залегло на сурово обнаженных склонах, на шелковистой зелени подоблачных лугов, на белых шапках и пиках исполинской цепи, замкнувшей всю котловину», – так начинается Бибик свою повесть.

Этот период жизни писателя был довольно гладким. У него семья – жена, дочь. Он погружен в работу. Много пишет. Здесь, в Ростове, Бибик знакомится с А. Фадеевым, М. Шолоховым, В. Закруткиным, П. Максимовым и художником М. Сарьяном. Именно в Ростове Бибик написал роман «Катрусина вышка»,

пьесы: «Разрыв», «Архиповы», «Эрион», «В неведомые страны», «Сказочка».

Были у Бибика и недруги. Именно они спровоцировали в 1938 году его арест. Стальский сочинял патриотические пьесы о врагах народа и не хотел видеть рядом с собой талантливых писателей. Время было благоприятным для сведения счетов – в стране повсеместно шли аресты. Стальский знал, куда бить. Он припомнил Бибику его меньшевистское прошлое. Вокруг Бибика снова стали сгущаться тучи.

«Осенью 1937 года, – пишет в своей книге «Пять имен» журналист В. Котовсков, – когда режиссер Ю. Завадский хотел поставить на ростовской сцене пьесу Бибика «Праздник мастера», а новую пьесу Стальского «Красивая женщина» о диверсиях отклонил, он (режиссер) был объявлен врагом народа, главарем группы (Марецкая, Мордвинов, Бибик и др.). Чудом тогда все спаслись, отбились от клеветы...». В феврале 1938 года Бибика все же арестовали. Ему припомнили его старые «грехи» и присоединили к ним новые. Вскоре после этого были арестованы его жена и дочь.

В 1946 году после восьмилетнего заключения его освобождают из лагеря. Он не знает, живы ли его жена и дочь. Бибик предпринимает меры к их розыску, но поиски результатов не приносят. Жизнь полна неопределенностей. Работы нет, жить не на что, квартира занята посторонними людьми, многие бывшие друзья отвернулись. Тяжело в семьдесят лет начинать все сначала. Его формально восстанавливают в правах советского писателя – разрешают заниматься литературной деятельностью, печататься в журналах и газетах, выпускать книги. Фактически же до 1955 года Бибика нигде не печатали, и ему пришлось уже в очень преклонном возрасте работать плотником и сторожем, чтобы прокормиться. Этот 17-летний период забвения Бибик назвал тяжелой жизненной катастрофой.

Вспоминает о том периоде жизни и известный советский писатель В. Закруткин, живший в то время в Ростове-на-Дону. «Было это вскоре после войны. Однажды зимней ночью у дверей моей квартиры раздался звонок. Передо мной стоял заросший старик в порванной стеганке, ватных брюках и стоптанных башмаках. На голове его чудом держалась заношенная шапочка с вылезшими со всех сторон клочками ваты. Лицо старика, темное от копоти, было изможденным, дряхлым и жалким, а

весь он – сгорбленный, дрожащий от холода, пропах паровозным дымом, карболкой, запахами трудных, дальних дорог.

– Не узнаете? – спросил старик.

– Нет, не узнаю.

– Я Бибик, – сказал старик, – писатель Алексей Бибик.

Сердце мое сжалось. Передо мной действительно стоял Алексей Павлович Бибик, известный в стране писатель.

– Прочтите, пожалуйста, – сказал он наконец. – Не бойтесь, прошу вас, я освобожден, вот справка».

Позже стало известно, что Бибик, находясь в лагере строгого режима, написал письмо М. Шолохову, и оно, что называется, сработало. Шолохов ответил Бибику, что письмо его получено и уже направлено им в Центральный Комитет партии. Ходатайство Шолохова было удовлетворено, и Бибика освободили. По его воспоминаниям, если бы не хлопоты Шолохова, то наверняка он бы получил второй срок прямо в лагере и уже никогда бы не вышел на свободу. Но вышло по-другому. Судьба, казалось, навсегда заблудившаяся в мрачном лабиринте ГУЛАГа, неожиданно вышла к свету. Вот она, свобода – такая долгожданная, пусть голодная и бездомная, но свобода. Деньги на дом дал Николай Ляшко – 4000 рублей. Дал просто так, не взаймы. Бибик решил обосноваться в станице Константиновской. Построил дом, обзавелся нехитрым хозяйством. Известная советская писательница, биограф А.П. Бибика Татьяна Батурина пишет в одной из своих статей о послевоенных годах жизни писателя: «После возвращения из Ивдельлага в 46-ом на любезную сердцу ростовскую землю, долго маялся. Не принимала она опороченного писателя. Без прописки, без денег, обнищальный и голодный, доходил он тогда до полного отчаяния. Если бы не Павел Максимов, не пережить ему тех дней. Тот самый Максимов, который сделал знаменитыми ответы Горького на его письма. Были еще люди, которые не только сочувствовали, но и старались помочь, как, например, семья писателя Виталия Закруткина. Но и они не смогли противостоять активной неприязни нескольких писателей, подогреваемой его лютым недругом Стальским».

Бибик знал, что изначально его судьбу определил навет ростовского завистника-литератора. Но знал он и другое – не его одного отправила в лагеря безжалостная рука Сталина.

«Да, был Алексей Павлович связан товарищескими узами со многими, кто в середине 30-х надеялся освободиться от всемогу-

щей длани вождя. Но съезд победителей раздавил эти надежды. Наивные люди, они думали голосованием свалить эту стальную махину. Сила и широта расправ, обрушившихся на них и на их семьи, потрясла. Но свершилось – человек, игравший почти 30 лет судьбами миллионов, был мертв». (Татьяна Батурина «Она вертится, но...»)

Жену он нашел случайно в Пятигорске в 1948 году. Работала она в музее «Домик Лермонтова» машинисткой. В том же году в Пятигорск к матери приехала дочь Ольга, которая освободилась из лагеря.

После похорон жены в 1953 году Бибик снова стоял на распутье. Ушел из жизни его верный друг и соратник, и это была воистину невосполнимая утрата. Их счастье длилось недолго – всего пять лет после того как он, не веря слухам о ее смерти и продолжая упорные поиски, нашел ее. После смерти жены, с которой он жил в станице Константиновской, Бибик переехал к дочери, поселившейся к тому времени в Минеральных Водах. Период жизни в городе Минеральные Воды был, пожалуй, самым спокойным в биографии писателя. Да и время настало другое – отгремели революции и войны. У него есть свой дом, где он живет вместе с дочкой. В это время Бибик почти ничего не пишет – сказывается преклонный возраст. Он встречается с людьми, размышляет о прожитом. В 1967 году к пятидесятилетию Великой Октябрьской революции Бибика награждают орденом Трудового Красного Знамени – это признание заслуг писателя, это и признание его невиновности перед собственным народом. После награждения зачастили журналисты – как же, орденосный писатель. Как нужны были ему эти «акулы пера» в период забвения с 1947 по 1956 год. Где они были тогда, когда он отдирал примерзшие к ногам портянки в бараке после двенадцатичасового рабочего дня на лесосеке или когда жил с клеймом «врага народа»?

А.П. Бибик оставил после себя книги, и пусть он написал не так уж и много, но все его произведения – это хроника эпохи в деталях, в людях, в характерах и даже в исторических персонажах. Бибик очень точен. Как написала известная ставропольская поэтесса Р. Котовская в статье «За что боролись»: «У него нет лишних слов». Да, действительно у Бибика нет лишних слов. С этим можно согласиться. Каждое свое слово он выстрадал и вымучил. Не так легко они дались ему, эти слова правды.

Р. Котовская спорит с писателем-атеистом, упрекая его в богоборстве, то есть в том, что его герои идут против Бога. Власть царя поэтесса тоже считает данной Богом. Но если царь – помазанник божий, то почему он тогда отдал приказ стрелять в свой народ 9 января? Почему вел страну к краху, не жалея жизней миллионов простых солдат, погибавших в окопах Первой мировой? Почему в богатейшей стране Европы народ был нищим, темным, забитым и бесправным? Именно эти вопросы задавал себе революционер Бибик, поэтому он боролся против царя. Бибик – не богоборец, не он разрушал храмы и не он расстреливал священников, он лишь правдиво отразил в своих произведениях настроение широких народных масс, радовавшихся свержению ненавистного царя и концу многовековой тирании. Он хотел, чтобы победивший народ построил светлое и справедливое общество, где не будет голодных и бездомных. Верил ли сам Бибик в то, о чем писал, за что боролся? Да, конечно верил. Иначе бы не выбрал для себя путь, полный лишений и страданий, и не его вина, что после победы революции идеалы социал-демократии были растоптаны и поруганы, а люди, которые были призваны дать народу свободу, сами стали тиранами и убийцами.

Проза Бирика несет в себе исторические характеристики эпохи, характеры людей, делавших революцию. Язык его произведений своеобразный, сочный, колоритный, изобилующий множеством словосочетаний, характерных для Юга России того времени. Он воспевал то, что, казалось, не может быть воспетым. Заводской гудок, который как будто ожил, призывая рабочих к забастовке: «Гудел он не так, как слышали его многие поколения рабочих. Не наглый приказ, а тревога была теперь в его вое. И сразу нельзя было понять: жалуется он или зовет на мятеж» («К широкой дороге»). Есть и прозаические отрывки, которые читаются как стихи. Они поэтичны и несут в себе сложные многослойные образы. Писатель сравнивает человеческую толпу с морем перед штормом. «Тяжелые, суриком крашенные ворота были гостеприимно распахнуты на оба крыла, пред ними накалялась и зыбилась толпа». В другом месте романа «К широкой дороге» идет описание колокольни: «... и будто все кружилось. Так бывает на колокольне: летят облака, а кажется, что падает колокольня». Головные уборы сравниваются автором с птицами в небе: «... стаями птиц над головами взлетали кар-

тузы». В сцене ареста рабочих он описывает офицера: «Перед взводом, на виду улицы, небрежно дымя папиросой, прохаживался молодой офицер. Его внутреннюю напряженность выдавало нервное пощелкивание гибкого хлыста по тугому голенищу. Игнату подумалось: вот так же хищник играет хвостом перед прыжком на жертву».

В своих воспоминаниях Бибик описывает, как во время пересылки, еще до революции, он с арестантской баржи наблюдал такую картину: несколько черных ворон клевали белую. Она, уже совсем обессилевшая, лежала на краю льдины, плывущей по реке, а ее все клевали и клевали черные собратья, желая скинуть в холодную бурлящую воду, несущую смерть. Бибик писал, что эта сцена его потрясла. Что-то пророческое было в ней.

Он выжил... Назло всем: царским сановникам, лагерным уголовникам, чиновникам Главлита, «стукачам» всех мастей. Выжил, сохранив главное – свою честь.

* * *

Во время работы над очерком я еще раз побывал в стареньком доме писателя по улице Пролетарской – ничего не изменилось, все было как прежде, словно время остановилось здесь: выкрашенная синей краской мансарда, низенькая, ушедшая в землю, летняя кухня. Сотрудница музея принесла по моей просьбе книгу «Катрусина вышка» из собрания сочинений А.П. Библика в шести томах 1929-1930 гг. издания и ушла, оставив меня одного в холодной комнате с крутой лестницей, уходящей ступенями вверх на мансарду. Мне давно хотелось увидеть это издание. В старых книгах есть какая-то чарующая магия, таинственная, притягивающая к себе энергетика. К моему огорчению, в музее оказалось только три тома из шести. «Только уж вы аккуратнее, – предупредила меня сотрудница, – листы не загибайтесь, карандашных пометок не делайте. Это музейный экспонат и наш раритет».

Чтение увлекло, я перелистывал страницу за страницей. Время пролетело незаметно. Я встал со стула и, чтобы немного согреться, прошелся по комнате, посмотрел в окно. Вечерело. Деревья, посеребренные инеем, качались под порывами декабрьского колючего ветра. Грязно-белые сугробы обрамляли бесформенным валом старенький дом. По дороге, покрытой,

словно панцирем, коркой намерзшего льда, гуляла поземка – начиналась метель. «Интересно, – подумал я, – эта книга из библиотеки Бибика или она появилась здесь после основания музея? Хорошо бы почитать переписку писателя – письма могли бы дать ответ на многие вопросы. Ведь в письмах человек предельно откровенен, потому что пишет близким людям».

В предварительном телефонном разговоре с сотрудницей музея я выяснил, что фонды музея пусты, почти ничего не сохранилось. Пятнадцатилетний период от смерти писателя до создания музея не прошел даром. В доме жили чужие люди, что-то из имущества продали, что-то выбросили за ненадобностью. Куда-то делась библиотека писателя, пропали картины и письма.

Время неумолимо. Сначала у человека уйдет, как песок между пальцами, его жизнь, за ненужностью чужие равнодушные люди продадут из дома вещи, книги, старые фотографии и письма вынесут в чулан. Спустя годы они обязательно найдутся, возможно не все: какие-то фрагменты жизни в виде выцветших фотографий и пожелтевших писем, – не могут они пропасть бесследно, если человек жил для людей. Перефразируя булгаковского героя, утверждавшего, что «рукописи не горят», можно сказать: прошлое никогда не уходит навсегда, оно возвращается.

Сквозь белые ветки деревьев чернело небо, готовое вот-вот разразиться снегопадом. Редкие снежинки срывались с высоты, кружились, сверкая в сгустившихся за окном сумерках. Как зачарованный смотрел я на эту написанную зимой акварель. Бибик любил живопись и всю жизнь собирал картины. Любовь к живописи вытекала у него из любви к природе, которую он описывал в своих произведениях, будь то чарующее взор путника озеро на Урале или вздыбленные и непонятные своим молчаливым величием для человека, выросшего на равнине, вершины Кавказа.

Наверное, вот так же Бибик стоял у этого окна, набросив на старческие худые плечи пиджак или кофту, наблюдал как угасает короткий зимний день на пустынной городской окраине, без суеты и борьбы сдавая свои права наплывающей ночи. Наступит ли новый день, думал он, – еще один день такой тяжелой и долгой жизни?!

Декабрь 2016 г.

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ N

«В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть», – так начинается роман «Двенадцать стульев». Написаны эти строки были летом 1927 года, вскоре после того как Илью Ильфа и Евгения Петрова редакция газеты «Гудок», где они работали в отделе писем, направила в командировку на Кавказ и в Крым. Впечатления от этой поездки и легли в основу сюжетной линии романа.

Как задумывался роман, неизвестно – здесь много темных пятен, авантюрных историй, истинных и выдуманных, сплетен, домыслов. Литературоведы М.Одесский и Д.Фельдман подметили в своей работе «Легенда о великом комбинаторе, или Почему в Шанхае ничего не случилось», что история создания романа «Двенадцать стульев» обросла легендами настолько, что стало трудно отличить правду от вымысла. Они же подкрепили фактами версию, долгие годы считавшуюся лишеной всяческого основания, что роман заказной. Отличить правду, как в истории написания романа, так и в биографиях авторов, от вымысла современным исследователям их творчества, действительно, почти невозможно, тем более, что и сами авторы приложили к этому руку, сочиняя про себя всякие небылицы. Они написали роман с двойным дном, во многом остающийся загадкой и сейчас. Сатира сама по себе взрывоопасная штука, а в сочетании с политическим гарниром дает гремучую смесь – достаточно искры и она взорвется. Неслучайно роман спустя двадцать лет после выхода запретят – кто-то все-таки увидел в нем скрытую опасность.

Высказывались и другие версии, например, что роман – продукт коллективного творчества (имелось в виду близкое редакционное соседство авторов с такими мэтрами как М.Булгаков, Ю.Олеша, М.Зощенко, Л.Славин, В.Катаев), а Ильф с Петровым – лишь заурядные технические исполнители. С этим трудно согласиться хотя бы потому, что роман цельный, язык романа оригинальный, в нем явно прослеживается авторский почерк и стиль. Именно язык романа вместе, конечно, с интригующим сюжетом сделали его таким популярным. Роман подарил читателям много крылатых выражений и афоризмов. Он буквально нашпигован ими, как буженина чесноком и морковью.

«У вас талант к нищенству заложен с детства» (Бендер).

«Мусик!!! Готов гусик?» (инженер Брунс).

«Не корысти ради, а токмо волею пославшей мя жены» (отец Федор).

«Заграница нам поможет!» (Бендер).

«Теперь я уже должен жениться, как честный человек» (Бендер).

«Торг здесь не уместен» (Киса).

«Посадка в бесплацкартный поезд носила обычный скандальный характер» (авторский текст).

«Пассажир очень много ест. Простые смертные по ночам не едят, но пассажир ест и ночью» (авторский текст).

«Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?» (Бендер).

«Кому и кобыла невеста» (дворник Тихон).

«Куда же вы пойдете? Вам некуда торопиться. ГПУ к вам само придет» (Бендер).

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» (Бендер).

«А! Пролетарий умственного труда! Работник метлы!» (Бендер).

«Почем опиум для народа?» (Бендер).

«Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу» (авторский текст).

«Здесь Паша Эмильевич, обладавший сверхъестественным чутьем, понял, что сейчас его будут бить, может быть даже ногами» (авторский текст).

«Ну, ты, жертва аборта» (Бендер).

«Пружины разбитого матраца кусали его, как блохи» (авторский текст).

«Знойная женщина – мечта поэта» (Бендер).

«Это – гигант мысли, отец русской демократии и особа, приближенная к императору» (Бендер).

«Не учите меня жить», «Хамите, парниша» (Эллочка-людоедка).

«Прямо в глаза ему хлынул с верхней площадки небольшой водопадик грязной воды» (авторский текст).

«Дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих» (авторский текст).

Истины ради, конечно, стоит признать, что в романе имеют место некоторые «заимствования», но эти «заимствования» столь логичны и органичны, что никоим образом не портят его. Речь идет о нескольких героях, вполне легально перекочевавших в роман из рассказов В. Катаева – старшего брата Е. Петрова, известного московского писателя, который, как известно из дневниковых записей Е. Петрова и И. Ильфа, «курировал» издание романа и собирался править «рукою мэтра» написанное «литературными рабами». Дошло ли там до этого, или все осталось только в виде благих пожеланий, неизвестно. В Катаеву принадлежала и сама идея написания романа, он же придумал фабулу произведения, поэтому, если В. Катаев и оказал какую-то помощь своим подопечным («литературным рабам»), то это пошло только на пользу произведению. Роман получился бодрый, мажорный, что называется, от души, можно даже, взяв на себя смелость, сказать оптимистичный, несмотря на трагический финал... Роман «Двенадцать стульев» можно сравнить с гоголевской поэмой «Мертвые души»: и тут и там главный герой – умный и находчивый авантюрист, путешествующий по стране с целью личного обогащения. Но если у Гоголя все герои «небокоптителы», то у Ильфа и Петрова они весьма деятельны и энергичны, что увеличивает причиняемый ими вред.

«Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу» – транспарант, висевший в богадельне, призывал граждан быть полезными членами коллектива, нести, так сказать, свою лепту в общий улей... Большинство героев романа хоть и тщательно

пережевывали продукты питания, но оставались при этом мошенниками, проходимцами и рвачами. Финал романа не случаен. Остап Бендер – самый энергичный и самый предприимчивый персонаж, погибает от руки своего подельника – предводителя дворянства Кисы Воробьянинова. Гибель О.Бендера в романе закономерна и символична, возможно, что роман и писался для того, чтобы привести главного героя, олицетворяющего собой многочисленную и разношерстную когорту жуликов и мошенников, расплотившихся при НЭПе, к столь печальному финалу, который, безусловно, не мог не понравиться тогдашним партийным функционерам. Для авантюрного романа, который во все времена считался легким жанром, финал получился достаточно жестким, даже в немного юмористической подаче авторами романа смерти Остапа. Драматична и судьба многих других персонажей романа. Подельник О.Бендера Киса Воробьянинов сходит с ума от горя, предварительно всадив компаньону в горло опасную бритву – аналог гильотины (карающего меча Великой французской революции). Враг революционных преобразований О.Бендер был казнен оружием уличных жиганов и карманников. Это было далеко не случайно – бритва выбрана как оружие возмездия, это был намек на то, что страной правят люди с уголовными замашками. Но никто сразу и не заметил этого подтекста, а если и заметил, то благоразумно промолчал. Большевистским лидерам нужен был литературный материал, в котором высмеивалась бы вся несостоятельность и жалкость людей, ставших на путь накопительства и обогащения. Не важно, каким образом будет уничтожен враг – по приговору суда или во время криминальных разборок перед дележом богатой добычи. Бритва в горло – это и справедливое возмездие и предостережение тем, кто как Н.Бухарин призывал: «Обогащайтесь».

В романе много представителей так называемой новой буржуазии, чья песенка была уже спета, а судьба предрешена, несмотря на уверения О.Бендера: «Заграница нам поможет». Не помогла. Набор персонажей в романе очень пестрый, разнообразный и разнокалиберный: это представитель частного предпринимательства, гробовых дел мастер Безенчук; торговка мадам Грицацуева; Виктор Михайлович Полесов – слесарь-одиночка; Эллочка-людоедка, паразитирующая на хорошей зарплате мужа, работавшего, вероятнее всего, у нэпмана; мечтающий открыть свечной заводик отец Федор; предприимчивый

мошенник Коробейников, бессовестно торгующий ордерами на чужую мебель; «барин из Парижа» Ипполит Матвеевич (Киса) Воробьянинов – бывший предводитель дворянства, готовый за деньги заложить дьяволу душу; бывший гласный городской думы Чарушников, сохранивший с «хороших времен» в зачатке большие капиталы и мечтающий о возвращении этих самых «хороших времен»; владелец «Быстроупака» Дядьев; председатель Одесской бубличной артели «Московские баранки» Кислярский; ну и, наконец, самый предприимчивый из всех – свободный художник Остап Бендер, который знал множество способов зарабатывания денег, кроме одного – честного. Эта галерея карикатур столь живописна, а образы столь сочны, выпуклы, что кажется, они написаны сегодня, а не девяносто лет назад. Среди перечисленных персонажей нет ни одного порядочного человека. Главная ценность романа «Двенадцать стульев» в том, что он всегда актуален. Персонажи Ильфа и Петрова живут среди нас, только немного перекрасились, осовременились, вросли в новую структуру общества и пересели с извозчиков на мерседесы. Версия, что роман был заказным, хоть и не безоговорочная, но вполне реалистичная. Идеологический отдел ЦК ВКП(б) работал с полной нагрузкой в тандеме со своей «дочерней» структурой «Главлитом». Советчики и консультанты, которые, безусловно, стояли за спинами авторов романа, правда, не рассчитали, что они (авторы) окажутся очень талантливыми людьми и хряснут, уже по собственной инициативе, мозолистой писательской рукой не только по нэпманам и пережиткам прошлого, но и по кадрам, воспитанным и взлелеянным уже в «прогрессивной» советской системе, написав целую портретную галерею совслужащих, готовых делать все, что угодно, лишь бы им за это платили. Персонажи романа яркие, колоритные, выпуклые: это и «измученный нарзаном» пропойца, а по совместительству монтер Мечников из театра «Колумб»; инженер Брунс – любитель «гусика»; пролетарий умственного труда дворник Тихон, мечтающий о медали за дворницкий труд; голубой воришка Альхен, беззастенчиво запустивший руку в государственный карман (прототип российского чиновника) и подтянувший для разворовывания госсобственности всех своих многочисленных родственников; Ляпис-Трубецкой, сочиняющий заказуху на любые темы; любители шахмат – васюкинцы; театральные режиссеры-экспериментаторы; журналисты, пишущие о том, чего они не знают (акробаты пера). Все эти пер-

сонажи уже не из прошлого времени (как назвал его О.Бендер – «доисторический материализм»), не порождение угарного НЭПа, а продукты забюрократченной советской действительности. Они нарисованы в романе достаточно зло.

За каждым из этих персонажей стоял жизненный прототип. Взять хотя бы Хину Члек (Ляпис-Трубецкой, автор «Гаврилади», посвятил ей свою поэму). В жизни же была некая Лилия Брик – подруга В.Маяковского. Ни для кого не было секретом, что Маяковский состоял в интимных отношениях с замужней дамой. Ничего страшного в этой связи вроде бы и не было – обычный адюльтер, одним больше, одним меньше, но было одно «но». Ситуация опошлялась тем, что муж Лилии Брик был в курсе интимных дел собственной супруги и считал это положение дел нормальным. «Передовые умы» боролись с буржуазной моралью, считая брак пережитком капитализма – это и стало, очевидно, поводом для тонкого сатирического выпада.

В первый год после публикации романа «Двенадцать стульев», несмотря на огромную популярность среди читателей, критики отмалчивались, видимо, не зная, что им делать – рвать авторов и роман в клочья или взалхлеб хвалить. Петров как-то аллегорически пошутил, что роман «Двенадцать стульев» написан кровью. Это была правда. Не понравься роман

«заказчикам», усмотри они в нем двойное дно или политические вольности (а они в романе есть), и все – расплачиваться, действительно, пришлось бы кровью. Примеров была масса. Взять хотя бы того же В.Нарбута, главного редактора журнала «30 дней», в котором и напечатали роман. Сначала в 1928 году его просто отстранили от работы, а потом, спустя несколько лет, расстреляли. Но в случае с авторами «Двенадцати стульев» все закончилось благополучно – карты легли как надо. За роман авторы получили неплохой гонорар – обставили квартиры, справили себе приличную одежду и купили В.Катаеву золотой портсигар в подарок (согласно устной договоренности). Поскольку роман получился «законспирированный», личности писателей-

сатириков потихоньку стали обрастать легендами – еще бы, такой головокружительный успех. Часть легенд возникла еще при их жизни, благодаря друзьям, часть сочинили они сами, отвечая шутками на вопросы любопытных граждан.

Ильф и Петров соединили два таланта журналиста, и в результате соединения неожиданно образовался писатель-сатирик, которого И.Эренбург, знавший лично обоих одесситов, назвал «Ильфпетровым». Они стали не просто неразлучными, но уже и неразделимыми как сиамские близнецы. Они выработали свой общий ни на кого не похожий стиль, и даже маститые критики и писатели, близко знавшие их, не могли сказать, где писал Ильф, а где Петров. И это при всем их внешнем и внутреннем различии – один был угрюмым и молчаливым, другой – бойким и разговорчивым. Мнения друзей и знакомых – кто был главный в их тандеме, разделились. Одни считали, что первую скрипку в дуэте играл Ильф, потому что был острее на язык и обладал сверхчеловеческой наблюдательностью, другие – что Петров, потому что многие организационные вопросы были исключительно в его компетенции. Он же записывал сочиненное. Как все обстояло на самом деле, не знает никто. Общим у них было одно – любовь к литературе и умение находить смешное там, где его, кажется, не могло и быть: сцена смерти мадам Петуховой, название погребальной конторы «Милости просим», классификация смертей гробовых дел мастером Безенчуком, убийство опасной бритвой Кисой Воробьяниновым Бендера в конце романа: «Что это за лужа? – подумал Ипполит Матвеевич. – Да, да, кровь... Товарищ Бендер скончался». Умение смотреть на жизненные события под определенным сатирическим углом – одна из составных частей писательского таланта.

Известны случаи, когда они шутили не только над своими литературными героями, но и над самими собой. Антон Павлович Чехов перед тем как уйти в лучший мир, попросил шампанского, вкусил его и со счастливым видом произнёс: «Давненько я не пил шампанского». Потом лёг на диван и сказал по-немецки: «Ich sterbe» (Я умираю). Он скончался как истинный врач, констатирующий факт смерти пациента, коим в данном случае был он сам. Незадолго до смерти И.Ильф, выпив бокал шампанского в компании своего соавтора в американском отеле, пошутил, перефразируя А.П.Чехова: «Шампанское пью, – сказал он. – Наверное, скоро умру». И действительно вскоре умер.

Согласно официальной версии, познакомились Ильф и Петров в доме писателя В. Катаева, который и устроил их на работу в редакцию газеты «Гудок», где судьба их свела с Ю. Олешей, М. Булгаковым, М. Кольцовым, Л. Славиним и многими другими прекрасными писателями. Они редактировали рукописи рабочих корреспондентов, поскольку те были зачастую безграмотными, писали фельетоны на злобу дня, бичуя пережитки, и отвечали на письма. Работа была очень интересной, позволявшей в полном объеме насыщаться жизненными впечатлениями, так им пригодившимися впоследствии при написании романа «Двенадцать стульев». Шутить вдвоем, как и писать, оказалось очень трудно, потому что когда один шутил, другой в это время должен был думать о чем-то серьезном, например, о том, что они будут завтра кушать, как напечатать рукопись и при этом еще умудриться получить гонорар. Ильф был не способен «хватать кого-то за горло», поэтому этими щекотливыми вопросами занимался Петров. Если авторов двое, значит, и гонорар должен быть ровно в два раза выше – так считали новоявленные братья Гонкуры. Почему Гонкуры? Когда у них спрашивали: «Как вы пишете вдвоем?», сатирики отвечали: «Как братья Гонкуры. Эдмонд бегаёт по редакциям, а Жюль сторожит рукопись, чтобы не украли знакомые». Редакторы журналов и издательств – люди, как правило, практичные и, как следствие, меркантильные, платили «братьям» обычные авторские гонорары. Это было несправедливо, ведь там, где автор-одиночка выпивал одну кружку пива, наши авторы выпивали две; естественно, они снашивали в два раза больше обуви; теряли больше запонок и в два раза больше заляпывали чернилами рубашек, а также поглощали котлет и шницелей, когда таковые были; протирали на работе не одни брюки, а пару. А без брюк и котлет писателю никак нельзя. Денег, конечно же, не хватало катастрофически. Молодые растущие организмы сатириков требовали калорий, хорошей одежды и приличного жилья. И если Е. Петров мог надеяться на помощь обласканного властью старшего брата, то лишенный высокооплачиваемых родственников в Москве Ильф вынужден был носить одни брюки на двоих со своим соседом по общежитию Ю. Олешей. В ситуации, когда тебе не в чем выйти на улицу, смешного, конечно, мало, тут не до юмора. Людей, умеющих шутить на пустой желудок, на свете очень мало. Можно сказать, что их нет совсем. Ильф и Петров принадлежали именно к этой редкой породе людей.

В конце концов, видимо, плюнув на все перипетии писательской судьбы и на все несовершенство мира, Ильф и Петров решили не просто писать вместе, а писать по возможности очень смешно.

Надо сказать, справедливости ради, что сюжет «Двенадцати стульев» был не нов и не оригинален – у писателя Артура Конан Дойля, придумавшего знаменитого сыщика Шерлока Холмса, в одном из рассказов сокровища искали в бюстиках Наполеона, которых было ровно шесть.

В начале соавторы хотели писать по главам: одну главу пишет Ильф, другую Петров, но потом, по предложению Ильфа, который был старше, мудрее и опытнее Петрова, решили писать вместе, оставаясь до поздней ночи, а иногда и до утра в редакции газеты. Так было удобнее. Решение по количеству стульев было принято единогласно — остановились на мистической цифре двенадцать. Главному герою присвоили звучную и многообещающую фамилию Воробьянинов, его тещу нарекли мадам Петуховой, над похоронным бюро друга повесили циничную вывеску «Милости просим». Что ж, молодости свойственно легковесное отношение к потустороннему миру. Все бралось, что называется, из жизни. Фигуру Воробьянинова без страха перед проклятием родственниками срисовали с родного дяди Петрова. Роман уже просто не мог быть неудачным, потому что на карту была брошена честь семьи, но спустя какое-то время роман, словно строптивый конь, стал брыкаться и то и дело пытаться свернуть с намеченного авторами пути. Соавторы не понимали, что происходит и куда их несет. Неизвестность пугала, но другого выхода, кроме как ехать по «бездорожью», они не видели. Сама судьба бросала им вызов и нужно было на что-то решаться. Будь что будет – решили они, выбрасывая в урну забракованный лист бумаги и кладя перед собой чистый, незамаренный. Перекрестившись и обнявшись напоследок по старорежимному, они отпустили поводья. В результате подобного безрассудства читатель получил современнейший роман, которого еще никогда не знала отечественная литература. Ильф и Петров здесь действительно оказались первопроходцами.

Остап с немного одиозной фамилией Бендер, которую Ильф привез из Одессы (один знакомый мясник с Малой Арнаутской улицы носил такую фамилию), вообще, по воспоминаниям того же Петрова, задумывался как второстепенная фигура: «Для него у нас была приготовлена фраза, которую мы слышали от

одного нашего знакомого бильярдиста: «Ключ от квартиры, где деньги лежат». Но Бендер стал постепенно выпирать из приготовленных для него рамок. Скоро мы уже не могли с ним сладить. К концу романа мы обращались с ним как с живым человеком и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу». «Работа была каторжной, – писал Петров. – Мы даже не представляли, что нам будет так тяжело. Обсуждали каждую фразу. Если фраза приходила в голову обоим – сразу ее отставляли».

В январе 1928 года соавторы с облегчением вздохнули, когда после почти полугодового каторжного ночного труда роман был завершён и напечатан. После снятия В.Нарбута с работы Ильфа и Петрова больше не печатали в журнале «30 дней». Наступило тягостное ожидание. В том же 1928 году И.Ильфа увольняют из редакции газеты «Гудок» якобы по сокращению кадров. Вскоре в знак солидарности из редакции увольняется и Е.Петров. Роман между тем размахисто и гордо шагает по стране, приобретая все большую популярность у самых широких слоев населения.

Думающий читатель сразу понял, что перед ним не развлекательное чтение, а нечто другое. К счастью, наверху оказалось не так много образованных людей, которые смогли бы раскусить истинный смысл этого произведения, где каждая фраза или реплика – это удар по созданной за 10 лет правления большевиков бюрократической машине. В 1948 году произведения сатириков были названы клеветническими и все-таки запрещены и изъяты из библиотек (за год до этого так же были запрещены произведения другого сатирика, их хорошего приятеля и коллеги по редакции газеты «Гудок» М.Зощенко). Только в 1956 году произведения Ильфа и Петрова снова были разрешены для печати. В 1961 году вышло их собрание сочинений в пяти томах тиражом 300 тысяч экземпляров (сейчас библиографическая редкость). Писатели как будто вернулись из небытия. Произведениям Ильфа и Петрова снова дали «зеленый», их возвращение к читателю стало символом демократических перемен в обществе. О романах спорили на диспутах, критики сочиняли статьи, посвященные творчеству сатириков, пытаясь подогнать их искрометный талант под традиции и каноны социалистического реализма. Но читателю нужно было не это. Любопытный советский гражданин хотел знать – был ли прототип у столь полюбившегося им героя романа Остапа Су-

леймана Берты Марии Бендер Бея. Оказывается, был. Его имя было Осип Шор, но друзья звали его Остап. Он участвовал во многих сомнительных проектах, мечтал о Рио-де-Жанейро, его деяния часто нарушали различные статьи различных кодексов: он выдавал себя за турка, торговал индульгенциями, откатывая кому положено, притворялся гроссмейстером, пожарным инспектором, женился на провинциальных знойных дамочках пожилого возраста из-за отсутствия у него жилплощади и денег, делал еще множество того, чего не должен делать порядочный законопослушный человек согласно моральному кодексу строителя коммунизма. В отличие от своего прототипа О.Бендер, как мы знаем, чтит уголовный кодекс. «Я немею перед законом», – говорил он. Есть все основания считать, что именно Осип Шор стал прототипом великого комбинатора, только литературно переработанным и дополненным буйной фантазией молодых авторов. По слухам, этот самый Шор впоследствии высказывал недовольство тем, что авторы исказили его «героическую» биографию, а главное, не заплатили ему отступные за использование ее в коммерческих целях.

В 2008 году скульптором Р.Юсуповым в честь 80-летия выхода романа «Двенадцать стульев» был создан памятник О.Бендеру, установленный у входа в Провал, где, как известно, великий комбинатор боролся с дефицитом наличности, продавая билеты на осмотр природной достопримечательности наивным курортникам. Но скульптор допустил досадную неточность. На билете, который Остап держит в руке, указана его цена – 50 копеек. Это противоречит тексту романа. Возможно, Бендер и хотел брать с отдыхающих по полтине. Возможно. Но великий комбинатор хоть и был мошенником, но все же не лишенным благородства, и поэтому не мог драть такие деньги с трудящихся. Его аппетиты были гораздо скромнее. Как истинный гуманист он брал по 10 копеек с носа: «Приобретайте билеты, граждане! Десять копеек! Дети и красноармейцы бесплатно! Студентам – пять копеек! Не членам профсоюза – тридцать копеек!»

Остап бил наверняка. Пятигорцы в Провал не ходили, а с советского туриста содрать десять копеек за вход «куда-то» не представляло ни малейшего труда».

В самом конце XXXV главы романа описывается прибытие одного из концессионеров на Кавказские Воды: «Для Ипполита

Матвеевича был куплен билет в бесплацкартном жестком вагоне, в котором бывший предводитель и прибыл на уставленную олеандрами в зеленых кадках станцию «Минеральные Воды» Северо-Кавказских железных дорог...» С того времени сменились приоритеты – вместо зеленых кадок с олеандрами теперь здесь клумбы с мясистыми агавами, делающими станцию Минеральные Воды похожей на мексиканский вокзал.

В записных книжках Ильфа есть упоминание о пребывании авторов романа «Двенадцать стульев» на Кавказских Минеральных Водах летом 1927 года: «Извозчику отдали три. Взял и уехал довольный. А мы после роскошной жизни пошли пешком. Неоднократно видели Эльбрус и другие пидкрутизны. (Бештау, Змейка, Железная, Развалка и т. д.)

Сидим. Пробовали взобраться на Т.Д., но попали в «Цветник». Взяли 32 копейки. Вообще берут. Обещают музыку. Но что за музыка, ежели все отравлено экономией.

Местные жители красивы, статны, но жадны. Слова не скажут даром. Даже за справку (устную) взяли 10 коп. Это не люди, а пчелки. Они трудятся».

Пятигорск описан в романе узнаваемо, и, можно даже сказать, романтично, с легким налетом столичного снобизма. «Был воскресный вечер. Все было чисто и умыто. Даже Машук, поросший кустами и рожицами, казалось, был тщательно расчесан и струил запах горного вежеталя». Заплатив гривенник, концессионеры вошли в «Цветник». «В «Цветнике» было много музыки, много веселых людей и очень мало цветов. Симфонический оркестр исполнял в белой раковине «Пляску комаров». В Лермонтовской галерее продавали нарзан...

– Эх, Киса, – сказал Остап, – мы чужие на этом празднике жизни».

Есть в романе место, которое любят цитировать курортники, приезжающие на Кавминводы. Это сцена с монтером Меч-

никовым. «Дуся! – удивился монтер. – Вы меня озлобляете. Я человек, измученный нарзаном». Фраза, брошенная монтером Мечниковым, стала крылатой.

О прибытии охотников за бриллиантами на Кавказские Воды в романе написано сухо и деловито. В Минеральных Водах у концессионеров была пересадка на пригородный поезд, здесь можно было немного перекусить и полюбоваться красотами горных вершин и хребтов. С известной долей иронии описывается в романе и то, как О.Бендер и И.Воробьянинов ехали в Пятигорск: «Дачный поезд, брэнча, как телега, в пятьдесят минут дотащил путешественников до Пятигорска. Мимо Змейки и Бештау концессионеры прибыли к подножью Машука».

Читаешь, и душа радуется – не так часто маститые писатели баловали нас описаниями родных нам мест, пусть даже и в юмористической форме. Может, это именно с их подачи здесь развернулось в тридцатые годы столь масштабное строительство санаториев и здравниц – роман-то был, что называется, на слуху. Уж небольшой бюстик или, в крайнем случае, мемориальную доску они наверняка заслужили от нас, жителей Кавказских Минеральных Вод (бюстик, конечно, лучше). Это было бы исторически верно и справедливо (памятника Ильфу и Петрову в России нет), ведь на их произведениях выросло не одно поколение советских людей. Роман шагнул в народ, а история со стульями имела логическое продолжение. В 1970 году в Пятигорск прибыла творческая группа (Сергей Филиппов, Арчил Гомиашвили, Георгий Вицин и др.) под предводительством Л.Гайдая снимать фильм по роману Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Картина вышла на экраны в 1971 году (через год с хвостиком – полувековой юбилей). Комедию тогда посмотрело 40 миллионов человек – воистину всенародная любовь. Фильм заканчивается показом несуществующего памятника Ильфу и Петрову – намек на то, что пора бы и поставить. Где? Да где угодно! Хотя бы в том же Пятигорске.

Есть такое крылатое выражение «Идея должна созреть». Думается, что 90 лет (именно столько лет прошло с того времени, как вышел в свет роман) для созревания – вполне достаточный срок. Раз не получилось с юбилеем выхода книги, может, получится с юбилеем выхода на экраны фильма? Золотой юби-

лей – хороший повод задуматься: а как же отметить это нерядовое событие в культурной жизни страны — откликнуться, как прежде, трудовыми успехами или все-таки сделать что-то более фундаментальное и основательное: привинтить, например, мемориальную доску, которая бы напоминала горожанам и гостям города о том, что здесь полвека назад снимался знаменитый фильм не менее именитого режиссера Л.Гайдая с горячо любимыми нами всеми актерами (перечислить имена и фамилии). На доске можно будет написать так: «В основу фильма был положен одноименный роман И.Ильфа и Е.Петрова, посетивших Кавказские Воды в 1927 году». В центре мемориальной доски можно изобразить книгу «Двенадцать стульев», а по бокам – барельефы Гайдая и Ильфа с Петровым. Простенько, как говорится, и со вкусом, а главное, наглядно, познавательно и исторически верно – не придерешься. Есть, знаете, такие люди – ходят, высматривают и все критикуют. Собственно, у них есть поле деятельности – сейчас сплошь и рядом ставят памятники кому попало: Клизме, Му-му и т.п. Здесь другой случай! Тут не подкопаешься. Главное, найти правильно инстанцию, куда направить стопы свои для утрясок согласований и выбивания денег на проект. Кто идею предлагает, тот ее и финансирует – так говорят нынешние функционеры (не путать с одесским «кто девушку ужинает, тот ее и танцует» – это о другом). Может, тогда не нужно ждать этого созревания от кого-то (этот мифический кто-то может и не созреть), а мне, автору этой статьи, стать в каком-нибудь людном месте г. Пятигорска, где народ дефилирует после принятия очередной порции лечебной водички, и, сняв шляпу (она у меня имеется – фетровая, глубокая, широкополая), сказать, только не на французском и немецком (могут неправильно понять), а на чистом русском языке: «Граждане отдыхающие, подайте бывшему депутату городской думы (я действительно был когда-то депутатом городской думы) на претворение в жизнь культурно-инвестиционного проекта, кто сколько может». Если потратить на сбор средств месяца эдак два или три, думаю, можно будет собрать нужную сумму... Ведь, как метко подметили Ильф и Петров почти сто лет назад, «дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих».

2019 г.

ЗДЕСЬ БЫЛ ПУШКИН...

К 200-летию пребывания А.С. Пушкина
на Кавказских Водах

За оду «Вольность», написанную в 1817 году, но дошедшую до государя спустя целых два года, в которой Пушкин недвусмысленно пишет о деспотизме и произволе царизма, отсутствии свобод, а в конце откровенно пророчит гибель царской фамилии, разгневанный самодержец сослал его в Екатеринославль (ныне город Днепрпетровск). Прожил поэт там совсем немного. Генерал Н. Раевский по просьбе своего младшего сына заехал навестить больного Пушкина. Вид и состояние здоровья поэта вызывали серьезные опасения, и генерал выхлопотал Пушкину отпуск на Кавказские Воды.

6 июня 1820 года Пушкин и семья Раевских прибыли на Горячие воды (Константиногорская крепость). Здесь их встретил старший сын генерала – полковник Ряжского пехотного полка Александр Николаевич Раевский. «Источники, большею частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки», – так описывает Пушкин Горячие Воды начала XIX века.

Красота здешней природы: хрустальные струи источников, целебный, напоенный ароматами горных лугов, воздух, панорамы Главного Кавказского хребта, открывавшиеся то тут, то там, буквально покорили поэта. Кавказ – в этом слове для него было что-то магическое. Тема Кавказа теперь будет часто звучать во многих его произведениях.

Именно здесь, на Кавказских Водах, в 1820 году им был написан пролог к поэме «Руслан и Людмила»:

Забывтый светом и молвою,
Далече от брегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немыми
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой...

Вскоре после приезда (Пушкин пробыл на Кавказских Водах немногим более двух месяцев с июня по август 1820 года) им задумана поэма «Кавказский пленник», где он дает выход накопившимся впечатлениям и пишет: о величавом пятиглавом Бешту, о гремучих ключах, о кремнистых вершинах. Пушкин посвящает ее своему другу Н.Н. Раевскому-младшему.

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины...

В этой же поэме помимо образа главного героя, описания быта и нравов горцев Пушкин дает яркие пейзажи кавказской природы:

Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце сияя ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом...

Общение с семьей генерала Раевского — героя Отечественной войны 1812 года, наложило отпечаток не только на творче-

ство поэта. 24 сентября 1820 года он писал брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни провел я посередине семейства почтенного Раевского. Я не видел в нём героя, славу русского войска, я в нём любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина... Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная». Со старшей дочкой генерала Пушкин познакомился уже на обратном пути с Кавказских Вод в Гурзуфе. Есть основания считать, что именно старшая дочь генерала Екатерина стала прототипом главной героини романа «Евгений Онегин» Татьяны. Она была старше Пушкина на два года и, по воспоминаниям современников, очень мила. В 1820 году Пушкин посвящает ей стихотворение:

К***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть лёгкий шум её шагов.

Во время пребывания на Кавказских Водах Пушкин много путешествует. Его неизменным спутником был старший сын генерала Раевского Александр, ставший на время его кумиром, оказавший огромное влияние на мировоззрение А.С. Пушкина. Александр Раевский был уроженцем этих мест. Он родился в городе Георгиевске в 1795 году, в то время, когда его отец проходил здесь службу (в 1794 году Н.Н. Раевский вступил в командование Нижегородским драгунским полком). По рассказам современников, человек он был смелый, но взбалмошный, неуравновешенный, скандальный, способный как на благородный, так и на низкий безнравственный поступок – все зависело

от настроения и ситуации. А.Раевскому было уже 25 лет, он носил чин подполковника, был участником Бородинского сражения и многих других кровавых баталий – это делало его в глазах юного Пушкина героем.

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветой
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал....
(«Демон»)

Впоследствии Пушкин разочаровался в своем кумире и отзывался о нем не вполне лестно...

Во время пребывания на Железных Водах поэт неоднократно поднимается на вершины, окружавшие лагерь, где они стояли, буквально со всех сторон. Вот что он сообщает в письме к брату: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор, ледяные вершины, которые издали на ясной заре кажутся странными облаками... Жалею, что вместе со мной не всходил ты на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной». Пушкин полюбил Кавказ всей душой прежде всего за его необычность, необузданную красоту. Прогулки по окрестностям стали на время основным развлечением молодых людей. Путь к подножию горы Развалка проходил мимо очень живописных Селитряных скал (в настоящее время это территория Железноводского лечебного парка), здесь до настоящего времени сохранилась пещера, которую после раскопок в 60-е годы прошлого века называли пещерой древнего человека. Возможно, именно об этой пещере, расположенной на северном склоне горы Развалка, Пушкин впоследствии напишет:

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.

Это была удивительная пора в жизни поэта. Рядом с ним были две прекрасные девушки – дочери генерала Раевского, друг – младший сын генерала Н. Раевский и А. Раевский – его кумир. Знакомство с А. Раевским на Кавказских Водах оказалось судьбоносным для поэта. Есть версия, что злополучное письмо, приведшее к дуэли между А.С. Пушкиным и Э. Дантесом на Черной речке было написано именно А. Раевским, человеком уже до этого однажды в 1823 году предавшим поэта. (Пушкин был влюблен в жену губернатора Новороссийского края М.С. Воронцова, у которого состоял на службе в Одессе. А. Раевский рассказал обо всем Воронцову, который предпринял все меры, чтобы выслать Пушкина. Таким образом Раевский руками мужа устранил конкурента.)

Спустя много лет, в 1829 году, во время своего путешествия в Гурзуф Пушкин еще раз приезжает на Кавказские Воды. Он видит, что здесь произошли значительные перемены – курорты благоустраивались. Но это не радует поэта. Он грустит о былом, об ушедшей юности. Больше он на Кавказ не приезжал... Ранняя смерть на дуэли помешала ему еще раз встретиться с Кавказом. Б.Окуджава написал стихотворение о жизни великого поэта «Счастличик Пушкин»:

Александр Сергеечу хорошо!
Ему прекрасно!
Гудит мельничное колесо,
боль угасла,

баба щурится из избы,
в небе – жаворонки,
только десять минут езды
до ближней ярмарки.

У него ремесло – первый сорт,
и перо остро...
Он губаст и учен, как черт,
и все ему просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой смерти.

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы его стихи
на память заучивали!

Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потрепаться о том о сем
с таким поэтом.

Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки.

Великому русскому поэту, чье 220-летие мы отмечаем в этом году, в городах Кавказских Минеральных Вод (Кисловодск, Пятигорск, Железноводск, Минеральные Воды) установлены памятники. В краевом центре, через который Пушкин дважды проезжал во время своих поездок на Кавказ в 1820 и 1829 годах, тоже открыт памятник на проспекте Карла Маркса и установлена мемориальная доска на ДOME Книги, которая гласит: «Здесь на этом месте находился дом командующего Кавказской линией и Черноморья, где в XIX веке останавливались: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой и декабристы». Ежегодно в день рождения поэта 6 июня около памятников А.С. Пушкину собираются школьники и профессиональные литераторы, они читают стихи, отдавая дань памяти гению российской словесности.

Ноябрь 2019 г.

*Кисловодский курортный парк
Памятник А. С. Пушкину*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть I

УНОСИТ ПАМЯТЬ В ПРОШЛЫЕ ГОДА

Дом на окраине	4
Когда наступает осень.....	37
Утренние звезды	40

Часть II

И ДЫШАТ ПОЧВА И СУДЬБА

Пусть жизнь мою ветер листает.....	46
Лабиринты судьбы	55
В уездном городе N	77
Здесь был Пушкин	91

Литературно-художественное издание 16+

Юрий Геннадиевич Селиванов
ДОМ НА ОКРАИНЕ
Очерки и рассказы

ББК 84(2Рос–4 Ста)
ISBN 978-5-9905068-2-7

Технический редактор *Чернова М.В.*
Верстка *Денисова А.И.*
Корректор *Давиди Л.А.*

Подписано в печать 15.11.2019
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная. Ф.п.л. 6,25.

Заказ 1746. Тираж 1000 экз.

ООО «Минераловодская типография»
Минеральные Воды, ул. Фрунзе, 33
ИНН 2630047604

